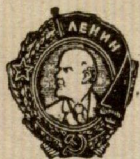

ПзГ
Г29

БИБЛИОТЕКА

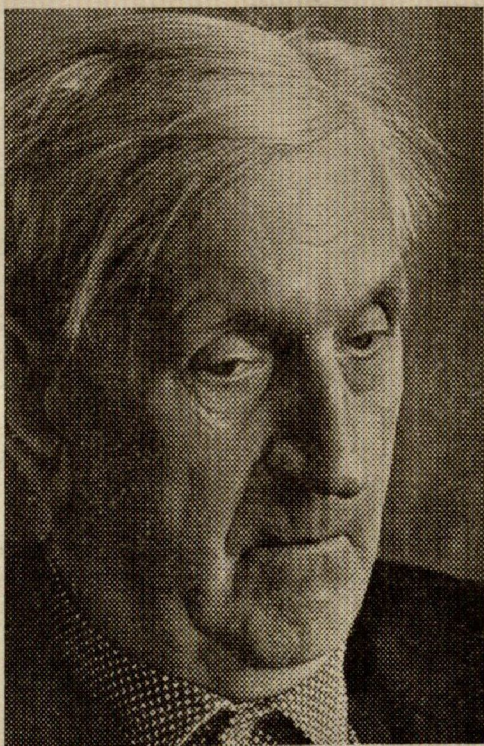
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 19

1983

Семен ГЕЙЧЕНКО

**СЕРДЦЕ
ОСТАВЛЯЮ ВАМ**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

Семен ГЕЙЧЕНКО

**СЕРДЦЕ
ОСТАВЛЯЮ ВАМ**

Москва. Издательство «ПРАВДА».
1983

Семен ГЕЙЧЕНКО

Семен Степанович Гейченко родился в Петергофе в 1903 году. До войны работал хранителем музеев Петродворца, в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Участник Великой Отечественной войны. Около 40 лет С. С. Гейченко — директор Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина. Член Союза писателей СССР. Перу Гейченко принадлежат книги «У лукоморья», «Приют, сияньем муз одетый», «Пушкиногорье», он автор многих статей и очерков, посвященных Пушкину и пушкинскому Святогорью. В 1983 году С. С. Гейченко, в связи с 80-летием со дня рождения, за большие заслуги в развитии советской культуры и плодотворную общественную деятельность присвоено звание Героя Социалистического Труда.

ИСТОЧНИК СИЛ ДУШЕВНЫХ

С природой одною он жизнью дышал,
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье.

Е. Баратынский.

Михайловское! Пушкинский заповедник! Никто и никогда не сможет объяснить, что это такое. Он, как книга «за семью печатями», книга, которую люди читают, читают, читают.., но никогда не дочитают до конца. Он, как сказка, которую люди рассказывают из века в век и никогда не перестанут сказывать, он, как солнце, которое никогда не померкнет, он, как «русский дух» — бессмертный, неизмеримый, неопиcуемый!

Здесь есть свои леса, пустыни, горы, воды, реки, небо, звезды. Здесь явился миру поэт поэтов, «поэт всех времен и народов» — Пушкин. Михайловское было для него «Вифлиемом». Здесь он вторично родился и не просто как все люди, а как пророк, как великий благовест человечеству. Здесь явилось к нему все, что может явиться человеку. Михайловское было для него тюрьмой и храмом, избои и дворцом, лазаретом и театром. «Здесь его святое провиденье осенило», к нему явились чудеса, и сам он научился творить чудо. Здесь его могила, некрополь, памятник. Здесь его проклятье и благословение, дружба, заповеди блаженства и завещание. Здесь есть все, кроме смерти. Ибо своею смертью, своим прахом он «смерть поправил», стал безграничен и бесконечен, как вечность.

Живучи здесь, он понял, зачем на земле люди, звери, растения, книги, огонь, вода, телеги и кареты, мундиры и лапти, война и мир, власть и безвластие... Здесь он понял, почему не только человек, но и деревья, и травы, цветы и птицы, звери и камни не просто существуют, но думают, любят, радуются, страдают, плачут, верят человеку, почему птицы бывают, как люди, а люди, как птицы, что в мире нет мертвого, а все живое, и все чувствуют, и все жаждет красоты и гармонии.

На его глазах шло в природе преобразование: весна сменялась летом, лето сменялось осенью, а потом приходила зима и опять наступала весна. Цветы и деревья зацветали и отцветали, птицы прилетали и улетали. Пушкин не записывал свои наблюдения, он не был биологом, он был художником, поэтом, в подвалы его памяти складывались «этюды» и «зарисовки» виденного. А потом, когда к нему являлась муза, память открывала свои богатства, наблюдения вновь выходили на свет божий и входили в строфы его стихов и деревенских глав «Онегина».

У меня лично, живущего в Михайловском много лет, есть домашняя птица — петух, утки, скворцы, голуби, сойки... И тех и других я держу для оживления ландшафта усадьбы Михайловского. Я приучаю птиц к своей речи. И птица привыкает к ней, реагирует на нее. Она по-своему повторяет «добрые слова», которыми я сопровождаю свои «добрые действия», поднося птице корм, воду... Птица пытается быть моим собеседником, запоминает добрые слова, пытается их произносить и ими отвечать мне на заботу и ласку. Я заметил, что моя птица — канарейка хорошо запоминает порядок звуков речи. Она хранит в своей памяти мелодию моей речи. Я подыгрывал на пианино мелодии для канарейки и скворца, и они хорошо воспроизводили эти мелодии. Делая это, я всегда вспоминаю пушкинские строки: «В гармонии соперник мой...» Был иволги напев живой...» Я заметил, что «разговор птиц» отмечается особой высотой тона и длится всего несколько секунд. Я записывал на магнитофон речи своих скворцов и канареек и воспроизводил их со скоростью, в 20—25 раз превышающей нормальную, т. е. ту, на которой обычно мы записываем свою речь, и я слышал не просто птичий писк, а человеческие слова, произнесенные птицей. Вместо «цвирьюрвирьювинк» моя канарейка говорила «здравствуй, папа!»

У меня в Михайловском есть свои деревья и кусты, которые я сажал 35, 30, 20, 5 лет тому назад. У меня свой разговор с ними. Они не немые, но и не болтливы. Они наделены «своей» речью, своим эмоциональным строем. В Михайловском есть очень старые деревья, и от старости они больны. Многие из них инвалиды войны. Больным нужен покой, им ближе немота. К многим старым деревьям я закрыл подход, и сейчас они, как в лечебнице.

Пушкин в Михайловском был молодым, и деревья вокруг него были большей частью молодые. Сегодня Пушкин по-прежнему молодой, а деревья старые. Теперешняя наука говорит, что, если около яблони играет музыка, у нее вкуснее яблоки. Прав был поэт Заболоцкий, когда говорил: «В очарованьи здешнего пейзажа есть подлинная радость, но она открыта не для каждого и даже не каждому художнику видна, а не только простому человеку».

В Михайловском Пушкин учился мастерству поэзии у жаворонка и соловья, у шума лип, берез и кленов. Здесь он понял, что все, что

воздвигает человек вокруг себя и для себя — избу, амбар, баньку, часовню, храм, — он строит для всего сущего вокруг, для природы, для красоты земли. Здесь укрепились в нем вера в то, что мир движется вперед, а впереди красота, радость, гармония и братство, а злу и подлости все равно придет конец. И все это свершит не кто другой, как русский человек, когда дойдет до своего конечного развития и станет непобедимым.

Всей своей сутью Пушкинский заповедник утверждает, что всякий приходящий в это святое место для поклонения Пушкину может с ним встретиться, может его увидеть. И не только его, но и созданных им по образу и подобию своему людей. Он создал здесь Евгения Онегина, Татьяну Ларину, Арину Родионовну, Евпраксию Николаевну, Никиту Тимофеевича, Наталью Николаевну и других своих героев.

На всем здесь и вокруг сущем Пушкин оставил свой след, отпечатки своих рук, глаз, сердца и ума. «Имея зрак да узрит, имея уши — да услышит», — утверждает древнее писание. Но не всяк имеет нужный зрак и ухо. Не так просто увидеть, рассмотреть следы Пушкина. Чтобы узреть и понять их, нужно иметь особые очки и особого наставника, который сам уже давно прозрел и постиг умение проникать в незримое через разный разновес времени. Этот наставник, или, как его сейчас зовут, экскурсовод заповедника, направит ваш взор на путь особого прозрения, и вы увидите незримое, услышите звуки по «ТУ» сторону клавиатуры великого органа, услышите, о чем поет береза, ландыш и скворец и почему клест гнездится в холод и снега. И тогда вы, видевшие многожды портрет Пушкина, что висит в его доме, увидите в нем новое выражение, и то, что казалось вам в нем раньше малонужным, станет очень нужным. И портрет заговорит по-новому... И так во всем. Придет к вам и беседа с деревьями и травами Пушкина, с камнями и тропинками!

Пушкинский заповедник — это книга, только написана она не буквенными знаками, не словами, а вещами. Немых вещей на свете нет, нет немых часов, картин, столов, окон, шкапов, шкатулок и риз. Все имеет свой язык, свою речь, свое сказание. Если бы этого не было, так не хранили бы люди эти вещи так бережно, не было бы музеев-заповедников, и не было бы в словаре русского языка слова ПАМЯТЬ, создавшего другое слово — ПАМЯТНИК.

На памяти, на памятном месте, события в жизни человека основано, по выражению Пушкина, «самостоянье человека и все величие его». Это самостоянье и величие особо крепко утверждает во всех нас Михайловское Пушкина — один из первейших памятников нашей Родины. Никто и никогда не постигнет Пушкина до конца. Он всегда открытие, вдохновение, и потому тайна. Многие поколения

достигают его, и каждый раз он неожидан, нов и необычайно современен.

В поэзии Пушкина «Я» и «МЫ» легко взаимозаменяемы, ибо, говоря от своего имени, поэт говорил от имени всего человечества. Думая о себе, Пушкин думал и обо всех людях — как современниках, так и о потомках, в том числе и о нас с вами.

Великий сеятель, он сделал в Михайловском свой посев. Этот хлеб прекрасно взошел, и мы снимаем ежегодно прекрасные урожаи. В хлебе Пушкина нуждаются все, это хлеб насущный, он для сердец и душ наших.

ТАМ ЧУДЕСА...

Михайловское — это не только памятник историко-литературный, это и своеобразный ботанический, зоологический сад, замечательный памятник природы. Его площадь — это не только те 750 гектаров, которые юридически закреплены за музеем-заповедником Пушкина, но и его охранная зона, в которую входят леса, рощи, поля, на которых расположены сельскохозяйственные угодья местных колхозов и совхозов, и лесничества на пространстве нескольких тысяч гектаров. В нее входят бывшие поместья Ганнибалов и других помещиков — знакомых Пушкина: Январское, Батово, Воскресенское, Лысая Гора, Дериглазово и т. д. На этой территории и находится все типичное для Псковщины, для природы северо-западного края нашей Родины — озера, реки, болота, леса, овраги, поля, поляна, а в них все виды растений, птиц, зверей, свойственных географическим и климатическим условиям местности.

Являясь в течение многих лет (с 1899 года) особо охраняемым местом, заповедник сохранил в себе такие образцы фауны и флоры, которые редко встречаются в других местах Псковского края. В этом отношении заповедник — настоящий зеленый оазис. В нем можно выделить: сосну обыкновенную и корабельную в возрасте свыше 250 лет, березы и ясени многих сортов, клен обыкновенный, татарский, южный, американский, тополь простой, круглый. Еще не так давно в Пушкинских Горах, неподалеку от почты, росло несколько штук итальянского пирамидального тополя. Для здешнего края это большая редкость. Под пологом леса и на усадьбах произрастают многочисленные виды кустарников: белая ольха, красная, черная крушина ломкая и слабительная, лещина, бузина, черемуха черная и белая, калина белая и красная, жимолость простая и татарская, бересклет, боярышник, шести сортов ива — серебристая, корзиночная, японская, самостригущая, самораздевающаяся, несколько сортов сирени, десять сортов шиповника, сотни сортов яблони, груши, сливы,

вишни. Чего-чего только здесь нет! Ведь при Ганнибалах здесь работали замечательные садоводы-лесоводы, и не только русские «Мичурины», но и специалисты, завезенные в качестве консультантов из Германии и Франции.

Заповедник — это парки разных стилей, это рощи разные-разные (березовые, дубовые, еловые, сосновые, ольховые). Это бор, местами труднопроходимый, сказочный. В нем зоркий глаз встретит все, о чем Пушкин говорит в своем стихотворении — песне-сказке о медведихе. Пушкин перечисляет живущих в его лесном царстве зверей больших и зверюшек малых: тут и волк, и бобр, белочка и лисица, горностаи и байбак, заяц и еж... И все это сегодня есть в Пушкинском заповедном царстве. Глаз человека здесь встретит барсука, кабана, лисицу, белку, енота, зайца, горностаю, норку, куницу, дикую козу, ондатру. Здесь часто пробегает волк. Проходом в глубь области пасутся лоси, не так давно молодой лосенок в течение нескольких месяцев содержался на конном дворе заповедника вместе с другими животными. А полста лет тому назад недалеко от устья Сороти был убит последний медведь, чучело которого до войны хранилось в Пушкиногорской школе имени Пушкина. Правда, лет 25 тому назад группа школьников из Сибири привезла в подарок заповеднику молодого медвежонка, только я решил не оставлять его в Михайловском, а передал в Ленинградский зоологический сад.

По берегам озер, рек и ручьев попадаются коростели, дупеля, бекасы, дикие утки разных сортов, среди них есть такие, которые делают себе гнезда не на земле, а на деревьях, здесь живут выдры. Речной бобр, которого пытался развести здесь сын поэта заядлый зверовод Григорий Александрович Пушкин, не ужился, хотя в народе ходят назойливые слухи о том, что бобр здесь все же водится... И вот недавно писатель, знаток природы Василий Песков бобра в Михайловском все же встретил!

Исключительно богато царство пернатых. В своих новеллах, посвященных птичьему царству Михайловского, я попытался об этом рассказать подробно. Здешние озера, река Сороть и мелкие речушки исстари богаты рыбой — язем, щукой, линею, карасем, лещом, окунем, шелеспером, ершом, плотвой. Изредка попадаются сом и налим. Имевшиеся некогда в изобилии раки ныне совсем редкость. Когда-то рыбоводством здесь занимались Ганнибалы. В усадьбах Михайловского и Петровского у них были даже свои «рыбьи садки», в которых выращивались мальки разной рыбы. В 1951 году один из рыбаков деревни Дедовцы поймал щуку, в губу которой было вделано серебряное кольцо, на котором можно было рассмотреть следы ганнибалова родового знака, а не так давно был пойман сом полутораметровой длины...

В Михайловском есть все красоты русской природы и ее чудеса.

В одной из своих новелл («Чудесная книга») я рассказываю о том, как на усадьбе Михайловского, в пруду, что у «Острова уединения», поселилась выдра и вывела пятерых выдрят и что получилось, когда один из московских фоторепортеров захотел сделать снимок ее семейства; как чуть не до смерти перепугал поэта Михаила Александровича Дудина горностаи, устроивший себе жилье под полом дудинской светелки. Подобные истории случаются здесь нередко. Как и во времена Пушкина, тут бывают чудеса: по ночам лешие в лесу бродят, в яблоневом саду домовые шуруют, в «пруду под ивами» русалки купаются. Одного домового как-то сторож поймал, им оказался инженер-ученый, химик, остановившийся на Пушкиногорской турбазе, — большой любитель антоновских яблочек. Или вот еще несколько коротких историй из жизни животных.

ЕНОТЫ

В Михайловском всегда люди. Их очень много. И звери и птицы привыкли к ним. С ними часто заигрывает белка, когда видит, что человек предлагает ей пряник. По дорогам и аллеям можно видеть енота, который шурует по урнам для мусора. Однажды я видел такое. Возвращаюсь как-то ночью из Пскова в Михайловское. Ехал на машине через лес, проехал по берегу Маленца. Дорога вбежала в темный лес. Вдруг посреди дороги показался некто с круглым фонарем. Шофер остановил машину. Выйдя из машины, я увидел... енота, на голову которого была надета стеклянная консервная банка. Вероятно, в поисках пищи он наткнулся на банку с остатками чего-то вкусного, просунул в банку голову, а вынуть ее обратно не смог. Вот он и бегал по лесу, искав спасения, а в конце концов подбежал к человеку. Подойдя к зверьку, я осторожно схватил банку и стащил ее с головы енота — тот, почувствовав спасение, моментально юркнул в придорожный кювет и был таков!

...Однажды одна тетя, гулявшая в лесу, подошла к вывороченному пню, у основания которого грелась на солнышке семья енота. Еноту показалось, что пришел охотник: он схватил экскурсантку за штаны. Та стала кричать благим матом на весь лес — сбежались экскурсанты... Енотиха со своими ребятами юркнула в нору. Экскурсанты долго смеялись над тетей.

ДИКАЯ КОЗОЧКА

Как-то в центральную часть усадьбы Михайловского вошла дикая козочка с маленьким козленком. Она расположилась на дерновом круге перед домом-музеем. Посетителям казалось, что здесь так обычно бывает. Все долго любовались этой чудной картиной...

КУНИЦА

Однажды шел я по Еловой аллее и увидел экскурсанта, на шее которого лежала... куница. Я спросил его: откуда она у него? Он ответил, что она ручная, что приобрел ее он малюткой три года тому назад у здешнего лесника...

ЗАЙЧАТА

Однажды во время окашивания сада Михайловского косари нашли на земле гнездо, в котором лежали клубком зайчата. Они казались еле живыми. Я переложил их в свою кепку, чтобы унести в другое закрытое место. Поднеся к кусту орешины, я только собрался их переложить в ямку, как они встрепенулись и мигом разлетелись в разные стороны.

ЖЕРЕБЕНОК И МАШИНА

У одного жеребенка скончалась мать-кобыла. Он был еще совсем маленький. Его звали Сенька. Мать кормила его своим молоком. После смерти кобылы жеребенок сдружился с шофером грузовой машины и бегал за ней, как когда-то бегал за кобылой. А когда машина останавливалась, он, устав бегать, лез под машину и искал молочко материнское.

БЕЛИЧЬЕ ГНЕЗДО

В осенние дни в Михайловском часто дуют сильные ветры. Они ломают стволы старых деревьев, вырывают их с корнем, причиняют другие беды паркам и рощам.

Как-то порушил такой ветер старую ганнибаловскую липу, поломал, повалил ее на землю. Стали ее убирать. В ней оказалось два дупла: в одном — большой пчелиный улей с прекрасным медом, в другом — беличье гнездо. Белка очень хорошо подготовилась к зиме. Дупло было большое, теплое, с понатыканными во все стенки паклей, беличьей шерстью и пухом. В одном уголке лежали сушеные грибы, в другом — орехи, в третьем — яблоки. Благодать! Отрезали мы кусок ствола с ульем и отправили его в амбар, где зимует пчелопасека заповедника, отрезали другой — с беличьим гнездом, и прикрепили

его к столбу деревянной ограды, что стоит неподалеку. Первое время белка боялась подойти к своему обновленному домику, бегала вокруг да около него, а потом все-таки решилась, уж больно хороши были в нем запасы.

ПЕЛ СОЛОВЕЙ

В один из прекрасных летних дней, во время прохода экскурсий по дому-музею, как говорится, «при всем честном народе» в кабинет поэта влетел соловей, сел на оконную занавеску и запел. Пел долго, заливался. Весь народ застыл в сердечном умилении, некоторые заплакали, а соловей все пел, пел...

В «ДОМИКЕ НЯНИ»

Однажды чей-то большой пес забежал в «домик няни», залез под печку и сладко-сладко задремал. Смотрительница музея не заметила этого, а посетители домика смотрели и думали, что это так и нужно, что это подобие пушкинского пса Руслана, о котором экскурсовод только что рассказал им в залеце дома Пушкина, где висит портрет этого пса. Иные посетители жалкому бездомному дворняге даже конфетки кидали... Лично я сам все это видел, а вот леших, домовых и русалок до сих пор мне видеть не пришлось. Многие же экскурсанты меня клятвенно заверяют, что они видели!

ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК

Зима на пушкинской земле бывает капризная — «то как зверь она завоет», то такими снежными сугробами все занесет, что еле-еле доберешься до Михайловской усадьбы. У дома Пушкина сугробы высотой в два метра и выше. Холодно. Куда-то попрятались все птицы. И только в домах, где люди, повсюду тепло. Теперь в Пушкинских Горах и в округе их печи не только дровяные, как то было при Пушкине, но и газовые, электрические, паровые... Благодать!

И только у птиц все как было встарь. Для них такая зима — беда! Все в снегу: и земля, и деревья, кусты и кормушки — все похоронил снег...

У меня дома свое птичье царство. В нем не только воробьи, голуби, утки, но и поползни, синицы, дятлы, сойки и... Золотой петушок.

Петухи особенно боятся морозов. А мой петух не простой, а «ученый» — «пушкинский», летом все им любят... Вот я и решил благоустроить его вольер: обил стены дерюгой, на пол положил соломенный тюфячок, двери обил войлоком, провел внутри электричество. Лампочка большого накаливания не только светит, но и греет петушину хибарку. В стенке домика я сделал дырку — вентилятор с задвижкой. Благодать!

Стал мой золотой жить в полном благополучии. Узнавши про его блаженство, местные воробьи, ютившиеся под застрехой дома моего, стали залетать в вольер через «вентилятор». В петуховой хоромке не только тепло и светло, в ней и кормушка с зерном и хлебными крошками, и кринка с теплой водицей... Сперва прилетел воробышек-разведчик, а за ним и целая стая. Петя против гостей не возражал. Одиночество ему было в тягость... А тут — целая стая веселых пичуг. Одни стали Пете перышки чистить, другие песенки чирикать, петь, третьи плясать...

Первоначально, когда я утром приходил в вольер, чтобы его почистить и накормить хозяина и гостей, воробышки забивались от страха в угол, под потолок. Потом привыкли. Как только открывал я утром двери, все хором кричали: «Здравствуйте, Семен Степанович, здравствуйте!»

— Ну, как вы тут живете? — спрашивал я. — И все хором мне отвечали: «Дружно, дружно». А Петя радостно кричал: «Ку-ка-реку!»

ВОРОБЕЙ-РАЗБОЙНИК

Весна. Как всегда над карнизом дома Пушкина ласточки слепили уютное гнездышко. И вот какой-то местный воробей-прохиндей решил присвоить себе его. Очень уж оно ему понравилось. Залез в чужой дом, зачирикал: «Мой, мой дом, мой, мой...» Как ни старались ласточки изгнать насильника — ничего не получалось. Воробей топорицей крылья, угрожая страшным криком... Отлетели в сторону бедные хозяйева, стали взывать о помощи... Слетелась целая стая птиц. Посмотрели на воробья и улетели. Вскоре стали прилетать обратно. У каждой птицы в клюве был кусочек земли. Одна за другой они подлетали к гнезду и стали заделывать отверстие крыльца. Вскоре воробей оказался замурованным, и стая разлетелась. Пленник поднял неистовый крик.

Глядячи на все это действие, пожалели мы воробья. Принесли лестницу, вскрыли «тюрьму». Воробей выскочил из гнезда, как из пушки, и был таков. А ласточки вернулись в свой домик и запели радостную песню.

ПТИЧЬЯ БЕДА

У балкона моего дома небольшой ягодник, в нем разная смородина, крыжовник, черемуха, боярышник, барбарис. Тут же яблоня, на которой растут райские яблочки — маленькие, ядреные, как недоспелая рябина. Это место — одно из самых любимых здешними птицами. На дереве скворечник, не один десяток скворцов вырос в нем. Однажды здесь случилась драма. Это было весной, в период птичьего гнездования. Начала скворчиха в своем домике нести яйца. Положит яичко и улетит в поле. Вернется вечером, а яичка-то и нет. Так продолжалось несколько дней. Загрустили самец с самкой, стали думать-гадать, что же делать дальше. Позвали на помощь родичей. Слетелась целая стая Зашумели, засвистели и решили поймать вора... Снесла скворчиха еще яичко. Спряталась стая на деревьях, что стоят вокруг и около яблони со скворечней. Притаились, смотрят. И вдруг видят, как подлетела к яблоне синица и вскочила в скворечник. Через некоторое время она высунулась на крылечко домика и стала облизываться.

Тут стая скворцов подлетела к домику, загнала синицу внутрь, а сами стали по очереди туда залетать. Обратные птицы выскакивали кто с перьями, кто с клочком пуха от синички, а вскоре вытащили и ее и бросили на землю. А потом сели все вокруг домика и запели победную песню.

ЛЕБЕДЬ НА СОРОТИ

Люблю смотреть на Сороть, всегда люблю: и весной и летом, осенью и зимой. В ней я вижу начало начал прославленного ландшафта Михайловского. Она бескрайна и уютна, величественна и интимна. В ней ощущаешь великое славословие пушкинской природы, бесконечность пространства, нескончаемое во времени. Здесь, конечно же, здесь пронзило великое видение Пушкиным России и ее таинственного Духа!..

У берегов Сороти он видел все сущее — воду-живицу, поющую, вопиющую, спящую, чудеса творящую. Вокруг нее старое, новое, вечное... селища, городища, холмы, нивы, дедовцы — зимари, колдовские камни, знаки, дорожки, ведущие повсюду, и даже «к богу в рай, на самый край...»

Здесь пролегает основная трасса, по которой идет перелет птиц из Египта в Мурманск, из Никарагуа в Псков, из болгарского Пловдива в Пушкинские Горы. На древнем озере Кучане пролетающие птицы — гуси, утки, лебеди — обычно отдыхают. Бывает иной раз, проходишь по берегу, сядешь на лаву, знаешь, что вокруг никого нет, и в то же время сознаешь, что все-таки кто-то есть. И вдруг видишь цирковой

прыжок какого-то зверя. Кто это? Это выскочила из своей норы выдра и стала купаться. Ах, как красиво, с какими фокусами купается она!..

Когда в этом году пришла зима на Сороть и Кучае и их сковало льдом, вода текла открыто лишь в устье реки... Однажды, проходя по берегу, я вдруг услышал странный крик. Стал смотреть туда-сюда и вдруг увидел... лебедя, который в торжественном одиночестве важно плавал от берега к берегу, то вверх по течению, то вниз...

С тех пор я целый месяц, почти каждый день по утрам шел на Сороть и смотрел на своего красавца и кричал ему: «Здорово!» Он молча отплывал от берега реки. Так было в ноябре. Вскоре я уехал в отпуск. Вернулся во второй половине декабря. И сразу же побежал на Сороть. Смотрю и вижу — лебедь мой на месте. Все, как прежде, было.

Но вот неожиданно в Михайловское пришла оттепель. Все раскисло. Круглосуточно стал лить дождь. Лил целую неделю. Затрещал лед. Вода хлынула на берега и затопила все, как это обычно бывает весной, а не зимой... Лебедю стало вольготней. Изредка он стал подплывать к лаве, выскакивать на южный берег и подходить все ближе к дороге, которая ведет к моему дому. Он останавливается, поднимает голову и слушает, как мои домашние гуси и утки резвятся на «пруду под ивами» и радостно гогочут. Лебедь слушает их голоса. Замирает. Что-то чудится ему. Видно, хочет подлететь ближе к пруду, познакомиться с моими зимородами, но не решается.

Каждый день я подхожу к Сороти. Смотрю на своего лебедя и думаю: «Ох, ох, спаси птицу бог! Только бы какой-нибудь прохиндей-охотник не подстрелил ее!»

...Как обычно, рано утром я делаю обход усадьбы Михайловского. Подошел к плотине, что у пруда под ивами, стал смотреть на Сороть — искать глазами своего дорогого лебедя. Вижу — плавает...

Он подплыл и прилепился к кромке южного берега, засунул голову под крыло и застыл... Вдруг из воды выскочила выдра и прыгнула на спящую птицу. Дикая утка, что была неподалеку от лебедя, громко крикнула, взлетела к небу и понеслась в сторону Савкиной горки. Лебедь встрепенулся, раскинул свои широкие крылья, словно орел на старинном знамени, взвился над водой и прыгнул на зверя. И вдруг исчез... Мне показалось, что выдра схватила его за ногу и юркнула с ним под воду, в свою нору... «Конец! Конец», — подумал я. Долго стоял, смотрел, смотрел, но так и не увидел больше своего красавца... Конец. «И се аз плакася горько» пошел домой. Через час-полтора опять иду по плотине и по привычке поворачиваю голову к Сороти и... глазам не верю... Вижу... Чудо... Мой красавец на месте, плавает по воде. «Жив. Жив. Жив!..»

Как сейчас вижу выдру. Вот она крутится по берегу, прицеливается к лебедю. Прыжок... Нет птицы!..

А он, оказывается, жив. Опять гордо и величественно плавает по Сороти. Ура!

БЕЛЬЧОНОК

Дом, в котором я живу, стоит на окраине усадьбы Михайловского. Окна его расположены по четырем сторонам света. Через них я всегда могу видеть все, что захочу, — пушкинский сад, голубятню, пасеку, Сороть и дали за ней, и «пруд под сенью ив густых», и кто куда идет и по какому делу... Дому этому уже более ста лет. В нем всегда жили управители имения.

А под окном у меня стоит старая береза. Огромная, толщиной в метр, красавица. Она стоит рядом с прудом, на самом краю берега. Перед нею небольшая светлая поляна, вокруг которой венком расположились густые ивы, а дальше — фруктовый сад. Живет береза барыней, у нее всегда много и воды, и солнца, и защитников от ветров. Хотя она и старая, но выглядит очень молодо: Зелень у нее густая. Кора могучая, никакого сушняка не заметно. Из окна мне хорошо видна эта береза, я знаю все ее повадки и секреты, мне хорошо известно, когда и что с нею происходит, кого она принимает, кто у нее в гостях и о чем она ведет беседы с паломниками по пушкинским местам.

Я люблю делать для птицы скворечники, птичники, дуплянки. Просмотрел много книг с описанием, как некогда изготовлялись птичники. А делались в старину, нужно сказать, чудесные домики — сказочные терема, и дворцы, и часовни. Особенно понравились мне многоэтажные резные скворечники.

Вот я и соорудил в Михайловском скворечник-хоромы. Первый этаж с портиком, а второй — с резной антресолю. Уж не знаю почему, но домик показался моим скворцам подозрительным. Они долго его рассматривали и спереди, и с боков, и с крыши, заглядывали в окошко, но зайти внутрь не решались. Так вот мой домик и не был в тот год заселен. Я даже обиделся на неблагодарную тварь.

Прошло лето, прошла зима, и наконец показалась новая весна. И вот в один февральский день я увидел, что в моем домике есть жильцы. Это были белки — самец и самка. Самец облюбовал себе верхний этаж — антресоли, самка поселилась внизу.

Целыми днями они таскали в свой дом какие-то мебели и оборудование. Бывали дни, когда часами они сидели в своих хоромках, высунувшись в окошки, и о чем-то беседовали, поглядывая на мой дом.

Ни я, ни домашние мои — никто их не тревожил. Мы старались делать вид, что ничего не замечаем. Всем нам очень хотелось, чтобы белки к нам привыкли. Так это в конце концов и получилось. Белки стали подбегать к садовому столику, который издавна стоит под этой березой, и принимали наши дары: желуди, шишки, орехи, сахар, сушеные яблоки и грибы, которые мы с вечера им подготавливали. Спустя некоторое время я увидел, что супруг белочки скушает

в одиночестве, его благоверная куда-то исчезла. Выяснилось, что у них прибавление семейства — пятеро маленьких бельчат.

Наконец весна совсем разгорелась, стали раскрываться почки на березе, и в окошечке появились малюсенькие зверьки. Когда они слишком высывались из окошка, папа сверху угрожающе фыркал, мама кричала, в домике была слышна возня и писк. Вероятно, папа и мама прививали своим детенышам необходимые культурные навыки.

Проходили дни. Я непрерывно наблюдал беличье семейство, стараясь увидеть все, что происходит в домике. И вот однажды вижу, как выходит из дому белка-мама, а за нею гуськом бельчата. Шествие замыкает папа. Вот все зверьки уселись на толстый сук. Папа о чем-то поговорил с мамой и вдруг сделал в воздухе сальто-мортале. Перепрыгнул на другой сук и вспорхнул обратно. Потом он вновь перепрыгнул на сук, который поближе. Прыгнул медленно, словно показывая детям, как это нужно делать. И так несколько раз. Я успел разглядеть, что он присел на задние лапки, потом оттолкнулся ими от сука, выкинув лапки вперед. Мать и ребятки внимательно смотрели на папины упражнения. «Ну вот так,— сказал папа,— давайте начнем...»

Бельчата запищали и стали растерянно ползать по суку, трясясь от страха. Тогда разгневанный папа бешено запрыгал с сука на сук и стал зло кричать на маму и детей. Испуганная мама прыгнула, за ней стали прыгать и малыши. Но один бельчонок все же не решился оторваться от сука, к которому прижимался, и ревел благим матом. Наконец и он прыгнул. Сделал все так, как учил отец, — присел на задние лапки, кинулся вперед, выставив передние лапки, но чуточку не долетел, успел только схватиться коготками за кору дерева да так и повис.

Все семейство забегало, запищало. Вдруг малыш сорвался и полетел вниз на землю с высоты, почитай, десяти метров. Я бросился к нему. Он лежал на боку, дергая лапками. Я осторожно взял несчастного зверька и побежал домой. Там положил его в мягкую шапку и стал думать, что же теперь делать.

Зверек оказался живучим и быстро отлежался.

На другой день утром я увидел, что скворечник на старой березе пуст. Вся беличья фамилия исчезла. Остался лишь мой малыш.

Неудачник был еще совсем несмышлениш. Нужно было его кормить. А как кормить? Взяли мы глазную пипетку, согрели молочка и дали ему пососать. Он сразу же догадался что к чему. Через несколько дней пипетка уже не годилась, потребовалась маленькая бутылочка с игрушечной соской... Наш питомец ловко схватывал ее лапками и, зажмурив глаза, сосал молоко.

А потом все пошло как по писаному. Наш бельчонок стал быстро расти, шубка его делалась все гуще и красивей. За лето он вырос в великолепную белку.

Подошла осень. Пospели яблоки, орехи, грибы — до всего этого бельчонок был большой охотник. Назвали мы его Ваней. Эту кличку он запомнил и сразу отзывался на нее. Потом к клетке я пристроил дуплянку, куда он отправлялся на ночлег и где у него было свое одеяльце и кормушка.

Сидя в своей клетке, бельчонок стал делать запасы на зиму, складывать под одеяло орешки и грибы. Стоило подойти к клетке и сделать вид, что хочешь подобраться к его зимним запасам, как он начинал сердиться и, спустя некоторое время, перепрятывал запасы в другое место.

Раза два в неделю мы выпускали его погулять. Что тут делалось! Он носился по комнате, делал фигуры высшего пилотажа, забирался в мою кровать, под подушку и оттуда вылетал как пуля и снова влетал в свою клеточку.

Особенно Ваня любил сахар и конфеты. Он знал, что у меня в пиджаке есть для него заветный кармашек, а в том кармашке — сладкое. Стоило мне войти в комнату и открыть клетку, как бельчонок прыгал на меня и бросался в карман, ухитряясь залезть в него весь целиком, набивая за щеки сладости.

Ваня знал, что я возвращаюсь с работы в пять часов. Это время сторож в Михайловском отбивает пятью ударами в старинную чугунную доску, и точно в этот час Ваня садился у окна, поджидая моего прихода...

Так прошла долгая деревенская зима, и вот вновь весна. Наш Ваня затосковал, стал каким-то другим: то лежит соня соней, то вдруг как с ума сойдет, такие начнет выделывать фортели.

Однажды я уехал на несколько дней в командировку в Ленинград. Вернувшись обратно, увидел, что мои домашние смотрят на меня виновато.

— А где Ванечка? — спросил я.

Ванечки дома не было. Что же произошло? Оказывается, убирая комнату, забыли закрыть форточку. Зверек воспользовался этим, выскочил через окно в сад, только его и видели.

ЯБЛОЧКО

А еще за окном моего дома по соседству со старой березой живет высокая дремучая ель. Ей уже должно быть за полтора года лет.

Так утверждают лесоводы, да я и сам вижу, какая она старая. В осенние дни на вершину ее часто садятся серые тучи, им хочется отдохнуть, прежде чем лететь дальше на юг, вдогонку за птицами...

«Эй, — кричу я туче, — куда это ты, растрепанная, плывешь?» Она долго молчит. Ее корежит мозглятина, трясет свирепый ветер, и я еле слышу хриплый шепот: «Лечу туда, не знаю куда...» «Ну и лети

с богом», — соглашаюсь я. И скоро туча исчезает. А я вновь припадаю к окну и гляжу и гляжу на все, что делается в саду, у речки, за холмом... Смотрю глазами усталого старого кота.

А на вершину ели уже присела другая тучка...

За окном моей хижины стоит старая яблоня. Я сажал ее тридцать три года назад. Саженцу было тогда лет семь-восемь. А теперь яблоне уже под сорок, и она старая-престарая.

Когда дереву пятьдесят лет, то человеку, считай, что уже сто за это время минуло. Такова природа вещей, как сказал когда-то старик Лукреций...

Вот люди увели с яблони ее веселых румяных ребятишек — и дерево стало нищим, убогим и еще более дряхлым...

Я давно приметил, что яблоневое дерево, расстающееся с яблоками, старается сокрыть хоть одного своего детеныша, спасти его от жадных человеческих рук. Прячет дерево своего последыша, помогают ему сучья, ветки, листья... Ловко прячут, сразу ни за что не найдешь!

Долго висело последнее яблочко на моей яблоне. Где оно было спрятано, знали лишь яблоня и я. Я все смотрел на дерево и ждал того часа, когда яблочко заключет свиристель или украдет сойка...

И вот однажды пришел в сад сторож. Долго и хитро разглядывал он каждое дерево, особенно мою старую яблоню. Тряс сучья, работал пронырливо и настойчиво. Знал, что есть у яблони свой завет... Глядел, глядел и все-таки высмотрел, нашел то, что искал. А яблочко-то уже было не простое, а наливное, светилось, как вино в хрустальном бокале!..

Сторож торопливо схватил яблоко и исчез за углом.

— Эй, стой, куда ты? — крикнул я ему вдогонку.

Он повернул назад, подошел к моему окну и усмехнулся весело:

— Здравствуйте, а я яблочко нашел!

— Вижу, вижу... Приятного тебе аппетита, — ответил я и отвернулся.

За окном моей хижины стоит старая бедная яблоня. Она совсем голая. Голо и пусто все вокруг. Голо, пусто и в сердце моем. Так бывает всегда поздней осенью, когда приближается первоснежье.

ГРОТ В МИХАЙЛОВСКОМ

*«Цветы, луга, ручей живой,
Счастливым грот, пролады тени,
Приют любви, забав и лени*

Чем, бедный, вас я награжу».

Так писал Пушкин в конце своей ссылки в 1826 году, обращаясь к ставшему ему родным и близким Михайловскому. Все в нем стало дорогим поэту. Оно превратилось из места ссылки в «приют

спокойствия, трудов и вдохновенья», в «приют любви, забав и лени»... Все здесь помогало ему жить и творить — и природа, краскою вечно сияющая, и ее цветы и травы, птицы и звери, и люди, его окружавшие, — простые деревенские крестьяне — няня, кучер, птичница, дети старосты, труженики полей и нив, открывшие ему таинственный мир русской народной сказки, обогатившие его поэтический словарь новыми, ранее неизвестными ему словами.

В комнатах его домика, светелке Арины Родионовны все, еще вчера бывшее таким чужим, сегодня стало для Пушкина своим — и столы, и шкапы, и книги, и лампы — все им прижитое и обжитое, ставшее для него бесценным.

Дедовский сад был для него не только «приют задумчивых дриад», но и его вторым рабочим кабинетом. Аллеи, дорожки, садовые диваны, беседки, камни, старые деревья, часовня ветхая, вольер тоже стали своими, и каждое из них чем-нибудь помогло в познании мира, в создании им новых творений. Вот, например, на этой дорожке он встречался с Анной Петровной Керн... Отсюда пришли к нему строки о «чудном мгновеньи». По этой аллее он гулял с Дельвигом, читал ему свои новые «запретные» стихи. В этой беседке явилась к нему муза и принесла свое новое слово о дружбе. Однажды, идучи по этой дороге, его вдруг осенило вдохновенье, и в душе ярко сложилась одна из сцен «Бориса Годунова». А по этой дороге ехал к нему Пушкин... В эту рощу он любил ходить слушать пение соловья и иволги. А вот и дедовская часовня, где он слушал бури шум, а в день архистатига Михаила слушал предания местных крестьян, приходивших сюда на поклон и рассказывавших ему о древнем Михайловском монастыре и разных чудесах на этой земле.

Много любимых уголков было у него в старинном дедовском парке. Была своя пещера, свой грот. В те времена в помещичьих парках грот-беседка, грот-пещера были неотъемлемой принадлежностью их. Были гроты у Ганнибалов в Петровском и Воскресенском, в Алтуне у Львовых, во Вреве у Вревских...

В своей книге «Памятники старинной архитектуры в России» (изданной в Петербурге в 1915 году) историк Г. К. Лукомский пишет: «Эрмитажи, гроты, «хижины уединения», «убежища любви», «приюты граций», павильоны, беседки — все это украшает сады и усадебные парки». Нет поместья, где бы не было всего этого. К этому нужно добавить дерновые диваны, павильоны, оранжереи, мельницы, часовни, арки со скамьями, увитыми плющом, гробницы любимых животных — собак, лошадей. Многие из перечисленного Лукомским были и в Михайловском. Были и «остров уединения», и часовня, и вавилоны, и беседки, оранжереи и теплицы, был даже «мавзолей» Руслана — верного пса Пушкиных. Был и грот. Многие вообще исчезло, даже следов не сохранилось.

Никто из авторов, писавших о Михайловском, ни словом не говорил о гроте. Но грот все же был. Прежде всего давайте разберемся, что такое парковый грот. По толковому словарю русского языка В. И. Даля, «Грот — это искусственная пещера, вертеп, выход, подземелье, копанное и украшенное или природное». В «Словаре русского языка» Ушакова о гроте говорится так: «Грот — это пещера, преимущественно искусственная». В руководстве по сооружению и убранству садов и парков, написанном в конце XVIII века немецким парководом Громаном и переведенном почти на все европейские языки, устроителю парка рекомендуются различные архитектурные формы гротов, от самых простых пещер, вырытых в естественном или насыпном холме, до сложных архитектурных сооружений.

Какой же грот мог быть в Михайловском? Много лет обследовал я парк и рощи Михайловского. Я пересмотрел в архивах Москвы, Ленинграда, Пскова документы по содержанию и благоустройству за многие годы его существования, ознакомился с материалами реставраторов Михайловского в советское время, производил археологические раскопки. Мне удалось установить, где стояли дерновый диван, беседки, «часовня ветхая», вольтер, лабиринт, «мельница крылатая», кузница... Много раз проходил я по аллеям и дорожкам парка, сопоставлял их с убранством помещичьих садов и парков Псковщины. Многое мне мерещилось, пока однажды, занимаясь в Публичной библиотеке Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, мне не попало на глаза письмо в редакцию газеты «Россия» местного жителя — исправника Г. Карпова, опубликованное газетой в номере от 14 ноября 1899 года. К моей великой радости, я нашел в этом письме-заметке следы того грота, которые так долго, но безуспешно искал.

Вот письмо: «Как уроженец той местности, я с детства имел случай бывать в Михайловском, где тогда проживал младший сын поэта Григорий Алекс. Пушкин, и должен сознаться, что с тех пор, как я начал сознательно относиться к таланту великого поэта, я всегда выносил от посещения Михайловского несколько грустное впечатление, обусловленное тем, что владелец его, поддерживая в блестящем виде усадьбу, состоящую в большинстве из позднейших построек, не имеющих непосредственной связи с личностью поэта, оставлял на произвол судьбы те немногие предметы, которые действительно связаны с моментами творческой деятельности Пушкина, но имеют несчастье находиться вне пределов усадьбы, как, например, знаменитый грот Пушкина, три сосны с «молодым поколением».

С тех пор как Михайловское стало государственным достоянием, прошло полтора года...

Подъезжая к усадьбе, я заметил Пушкинский грот, еще недавно носивший следы свода, а теперь представляющий собою холмик земли, и, только хорошо зная местность, я догадался, что это его могила, а не

остатки какой-то картофельной ямы, затем я заметил ремонт каменного амбара, недавно выстроенного для складки льна, и, признаюся, недобрая догадка зародилась у меня в душе...

...Камни от грота могут понадобиться для ремонта хотя бы того же обычного сарая...

Грустно подумать, что пройдет, может быть, еще несколько лет, и медленная лета проглотит последние реликвии великого поэта, еще сохраняющиеся в Михайловском».

К сожалению, в своем письме Карпов не указывает точно место, где находился грот.

Продолжая свой поиск, я обратил внимание на довольно большой холм, подобный кургану с плоской вершиной, расположенный у кромки дорожки, ведущей от Еловой аллеи к ганнибаловскому «Черному пруду». В центре его, на стороне, обращенной к усадьбе, хорошо видны следы довольно большой земляной выемки, направленной в глубь холма, что свидетельствует о том, что здесь был вход в пещеру-грот. Вскоре мне удалось найти документ, подтверждающий мой домысел, — открытку, изданную в 1911 году, на которой воспроизведена фотография этого холма с надписью: «Пушкинский уголок. с. Михайловское». «Уголок в лесу». Фото Н. Филимонова». На снимке хорошо виден весь холм и следы выемки в центре его. Сопоставляя фото холма, снятые в разные годы, я вспомнил, как фашисты, строившие в 1943—1944 годах свою военно-оборонительную линию «Пантера», в числе прочих парковых сооружений воспользовались и этим местом, превратив его в укрытие — своеобразный блиндаж. Со стороны, обращенной в глубину парка, они вырыли пещеру, сделав в ней небольшую пристройку — деревянное, покрытое землей и дерном крыльцо. После изгнания гитлеровцев это сооружение было нами использовано для бытовых нужд заповедника. В гроте-пещере была устроена банька. Она состояла из крыльца, маленьких сеней-раздевалки размером 2×2 метра и самой баньки-парилки, с трудом выведенной в вершину холма. Земляной потолок был обшит досками и укреплен на деревянных бревенчатых столбах, печь-каменка была сложена из камня-булыжника. Банька просуществовала до конца 1947 года. В начале 1948 года в связи с подготовкой Михайловского к юбилею 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина она была разобрана, камни и доски увезены, а холму была придана та форма кургана, какую мы видим сейчас. В музейном фонде Пушкинского заповедника сохранились две фотографии этого места, снятые перед разборкой блиндажа-баньки, и живописный этюд работы художника А. Н. Михраняна, написанный им в 1946 году.

Итак, какой же вид, какой архитектурный характер имел михайловский грот в пушкинское время?

Я полагаю, что холм в основном был таким же, как сейчас. Он был насыпан тогда, когда по распоряжению Ганнибала был вырыт

находившийся рядом глубокий пруд. Землей для холма послужил грунт, вырытый из котлована. В центре холма была устроена пещера. Вход в нее хорошо виден и сейчас. Он был обложен булыжным камнем в виде арки. Остатки камней от нее и сейчас лежат у подошвы холма.

Пещера была неглубокая, стены ее выложены дерном, потолок держался на четырех деревянных столбах-сваях. Внутри грота, как то было положено и рекомендовано тогдашними парководами, стояли диван или скамейка и небольшой столик. Иногда по вечерам здесь зажигалась лампада-светильник. Все было сказочно и просто.

Слово «пещера» довольно часто встречается в поэзии Пушкина михайловского периода. В Михайловском —

В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран...

вспоминал поэт.

Грот для него был приютом спокойствия, тишины, благоденствия и сказки.

Работники заповедника взяли на себя обязательство восстановить памятник к XIV Всесоюзному празднику поэзии. И оно было успешно выполнено.

Встань, боязливый,
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.

ИЗ НАРОДНЫХ ЛЕГЕНД ПУШКИНОГОРЬЯ

Пушкин любил Псковский край горячей сыновней любовью. И эта любовь неотделима от большой любви поэта к Родине.

Но ты губерния Псковская —
теплица юных дней моих...
Ты для меня страна родная...

писал Пушкин в черновых строфах «Евгения Онегина». И этими словами он вполне выразил свое отношение к той земле, на которой жили его предки, где провел он сам немало замечательных дней, где окреп и засиял его творческий гений. Именно здесь, в Святогорье, Пушкин постиг тайну русского народного духа и характера. Воспевание народа, его творческих сил и великого, прекрасного грядущего стало основой его литературной деятельности. Поэт мечтал о том, как красиво и счастливо развернется жизнь человека, когда будет уничтожено «гнусное рабство», эксплуатация и издевательство

человека над человеком. Неоднократно Пушкин утверждал, что человек обязан жить на благо Родины, на благо своего народа, для блага всего человечества, ведь счастье можно обрести только в самоотверженной борьбе за свободу, говорил он.

Глубоко осознав духовное и нравственное величие русского народа, силу и красоту поэтического творчества, Пушкин, находясь в здешней деревне, с особенным вниманием всматривался в повседневную жизнь простых людей, вслушивался в их живую и меткую речь. Он не гнушался простой крестьянской избы. Входил в нее запросто. Приглашали его и на крестьянскую свадьбу — шел с радостью, просили быть «отцом крестным» — соглашался с удовольствием. По словам современника, Пушкин не пропускал ни одного мужика или бабы, чтобы не потолковать с ними о хозяйстве, семье, о нуждах, особенно же любил вмешиваться в разговоры рабочих артелей. Он знал народные обычаи в совершенстве и чрезвычайно скоро умел располагать к себе крестьянскую толпу настолько, что мужики свободно говорили с ним обо всем. Это всегдашнее стремление Пушкина сблизиться с народом, войти в его душевный мир стало у поэта особенно сильным во время пребывания его в Михайловском в годы ссылки. Отношение его к крестьянам родительской вотчины было особенно мягким и гуманным. Он освободил их от барщины. У него искали они защиты и правды. Когда они ему пожаловались на управительницу именем Розу Григорьевну Горскую, что она незаконно притесняет их и обворовывает, он назначил из этих крестьян специальный комитет и в конце концов, к вящей радости пострадавших, выгнал Горскую из Михайловского.

В бюджете Пушкина труд михайловских крестьян не играл никакой роли. Он говорил: «Я богат через свою стилистскую торговлю, а не прадедовскими вотчинами». Народ внимательно наблюдал за тем, как Пушкин работал, как он писал, сочинял, дивился Пушкину, временами сочиняя про него увлекательные сказки.

Много воспоминаний о сердечных отношениях Пушкина к простым людям осталось в памяти жителей тогдашнего Святогорья.

К сожалению, вследствие пренебрежительного барского отношения первых биографов Пушкина к «подлому сословию» крепостных крестьян и вообще простому люду записи рассказов их о встречах с Пушкиным не производились. И лишь много-много лет спустя после гибели Пушкина исследователи стали собирать и изучать эти рассказы. Но неграмотный народ бережно хранил в своей памяти образ Пушкина. Рассказы эти передавались из уст в уста... Они, несомненно, правдиво передают чувство признательности и уважения к человеку, исполненному благородства, гуманности и любви к народу и труду.

Большинство здешних рассказов и легенд о Пушкине записано в конце XIX — начале XX века. В советское время много легенд

записал в 30-х годах член-корреспондент Академии наук В. И. Чернышев. Книга его «Сказки и легенды Пушкинских мест» издана академией в послевоенные годы. Несколько легенд записано в самое недавнее время сотрудниками Пушкинского музея-заповедника, в том числе лично мною.

...Вот рассказ, записанный в 1907 году в деревне Богомолы, входившей в состав имения Ганнибалов-Пушкиных, со слов крестьянина Ивана Павлова — столетнего старика, лежавшего на печи уже много лет. Словно в прошлое глядя перед собой почти совсем незрячими глазами, старик рассказывал:

«Чего ж мне не помнить Александра Сергеевича-то, коли я с ним не раз и купался в речке-то Сороти. В жаркие дни он купаться любил. В те поры я уже землю пахал... Стал быть, на возрасте был. Мужики наши Александра Сергеевича кругом одобряли, потому что разговорчивый он был на все добрые дела... Одним словом, человек умственный и добрейший. Кто его о чем попросит, никому отказа не было... А как увидит девки навоз везут — всем велит потом вокруг сойтись. Песни поют, а он слушает... Иль вот ребята землянику наберут, а он у них купит да им же и отдаст ту землянику. Скажет: «Ну теперь вы землянику съешьте детки: деньги за нее все равно заплочены... Был он в те поры к нам прислан, под началом находился. И за что только его начальники притесняли, памжа их ведают. Да он их и не боялся, никого. С жандарсами дерзко разговаривал. А стариков-нищих, которые песни поют, отыскивал, да просил еще петь, а сам эти песни в бумажку списывал... А про которого мужика узнает, что тот петь горазд, сейчас к нему. А ну, дедка, спой, спой. Ну тот и запоет... А Пушкин все слушает, слушает, да нет, нет и попишет. А мы в окошко зырк, зырк... и стрекоча. Много по полям да по рощам гулял и к мужикам захаживал все для разговора. Всё по-русски, знамо сустрачаться люди, так неужто сопеть, разговоры разговаривать нужно, ну он, значит, надлежаще это и любил очень. Привелось мне при том быть, как уезжал от нас наш Ляксандра Сергеевич... Осень только начиналась. И не чаял-то он своего отъезду... А никак не чаял. Вдруг откуда ни возьмись жандарм прёт: «Подполковник вас к себе требуют, арет». А Александра-то Сергеевич Пушкин и отвечает тому жандарму таково скоро: «Я,— говорит,— вашему подполковнику вот энтим местом кланяюсь, и указал пальцем каким местом-то. М-да! Вдруг глядь — сам исправник, а с ним и подполковник в тарантасе, да прямо к Пушкину. Принялся исправник у Пушкина пардону просить, а Ляксандра Сергеич глянул этак лукаво, потом смягчился. «Ничего,— говорит,— ничего!» И тут же коляска подлетает, а в ней фельдегерь, слышь, из Москвы. В столицю вызывают... Тут Пушкин даже палку выронил. Потом эдак вздохнул чуточку и говорит: «Едем! — так твою растак-твою. Я свободен. Сейчас едем. В Москву». А фельдегерь-то ему, не желают ли они домой заехать в Михайлов-

ское, так Александра Сергеич и руками замахал. В Москву... В Москву. Кати! Да в коляску и сел. Я ему и палку подал. Так и укатил из наших местов. Вот так то...»

А вот эту легенду записал Чернышев в 1928 году в здешней деревне Бустыги со слов деда Семена Егорова.

«Было это на Поклонной горке, тут люди на крест молились, когда из лесу выходили. Вот тут очень любил сидеть Александр Сергеевич Пушкин. Сидел он и думы думал. Вот раз он и видит: идет народ на покос на барские луга, крепостные, значит, много, много народу, и все на одного господина работают. И стал жалеть, что люди даром работают. Вот он и решил выдумать, как избавить народ; сочинил бумагу, что нужно невольникам дать свободу. Узнал про это царь и шлет в Михайловское телеграмму, чтобы Пушкин немедля скакал в столицу, потому, что они все запутавшись. Ну Пушкин поехал. Царь сперва скривился, но потом подписал, господа тоже подписали, синод согласился. А как подписать-то? Пушкин и говорит: подписать ее надо, не вынимая из-под стола. Когда все подписали, то увидели, что это воля крестьянам. Тут уж им крыть нечем, дело было сделано по всей форме».

А вот этот рассказ записан мною уже в наши дни со слов одного старика из деревни Зимари, что напротив Михайловского, за рекой Соротью, П. Кондратьева.

«...Жил в те времена на деревне Воронице колдун по прозвищу дед Гаврила по фамилии Посников. Он все умел делать. И болезни лечить, и нахождение потерь обнаруживать, и зубы загаваривать, и по бабьей части беспорядок из семьи выводить. Жил Гаврила за околицей слободы, в месте, которое прозывалось Каты,— это место было палаческое, здесь встарину палач жил. Еще недавно оно было в целости и даже старый дом-развалюха стоял. Его разобрали лет десять тому назад; теперь название места только и сохранилось. Пушкин часто сюда хаживал по своим лечебным и колдовским делам и обо всем советовался с дедом, и когда болезни его дюже одолевали, и особенно когда пришла к нему досада на прохвоста Данкиса, который его и убил. Об этом хорошо рассказывал дед, который жекился на дочке Катовского знахаря. Рассказывала и дочка попа Лривона с Вороница, Акулина, который был по прозвищу Шкода, на которого начальством было возложено наблюдение и ответственность за колдуном. Она ведь умерла уже при Советской власти. Умер и Гаврила уже при Советской власти. Стар был — годов не счесть. Всех, кто из семьи Катов, на погосте Воронице хоронить церква не разрешала — Гаврилу похоронили в Михайловском, где у озера Маленец была «скудельня», т. е. место погребения «нечестивых, убийц и разных убогих», «не помнящих родства, неизвестно откуда пришлых людей, или тайно убиенных помещиками своих рабов».

В сказаниях и легендах здешнего народа есть все о Пушкине — и его детстве и годах ссылки, его друзьях, братьях и товарищах, его грусти, тоске, мечтаниях, рассказы о живодерах помещиках-доносителях, о ненависти и злобе на поэта царя и его приспешников, о том, как Пушкин погиб от злодейской руки Дантеса и как его похоронили в Святых Горах. Есть рассказы и о бедах, пришедших на пушкинскую землю в годы Великой Отечественной войны, когда гитлеровцы пытались уничтожить все Пушкинское — и его могилу, и его памятники, и здешних людей, свято хранивших воспоминания о нем, и вещественные следы его неповторимой жизни.

Во всех народных легендах о Пушкине почти всегда вплеталась сказочная нить, усиливающая близость Пушкина к простым людям, доверчивость и любовь народа к его светлому имени. Такова природа русского человека — сказочника-летописца. В этом и есть суть «русского духа» — основы основ нашей великой Родины.

СВЯТОГОРСКИЙ ДВОРЕЦ «ХРАМ СЛАВЫ»

26 мая 1899 года исполнилось сто лет со дня рождения А. С. Пушкина. Эту знаменательную годовщину торжественно праздновала вся тогдашняя Россия, соединившаяся в одном чувстве восторженного поклонения перед памятью великого поэта. К этой славной дате особенно готовились жители Пушкинского Святогорья, ибо их земля приняла «охладелый» прах поэта в 1837 году. Здесь была его «деревенька на Парнасе». Им принадлежит идея создания в селе Михайловском «заветного Пушкинского уголка» — превращения его в национальную святыню. С разрешения тогдашнего царского правительства они обошли моря и земли России, по древнему русскому обычаю собирали в кружки на это святое дело денежки повсюду — «от Кавказа до Алтая, от Амура до Днепра», принимали кто сколько даст, а давали — кто копеечку, кто пятачок и редко-редко рубль целковый... Их мечта наконец свершилась, и Михайловское стало народным достоянием. В Псковском Государственном архиве сохранились списки того, где и сколь собрано денег, кто собирал и что говорил народ, опуская в кружки свои гроши на святое дело.

Такого всенародного праздника, какие устраиваются в наше время, в царской России не было, да и не могло быть. Обнищавшему безграмотному крестьянству в те неурожайные голодные годы было нелепо готовиться к празднику. Царское правительство и через 62 года после смерти великого поэта продолжало бояться его влияния на простой народ. Оно распорядилось издавать для народа не все написанное Пушкиным, а только сочинения, особо проверенные, «допущенные к произнесению в народных аудиториях». Но все равно имя Пушкина все громче и громче звучало в массах.

На «волостной сходке» в 1898 г. жители Святогорья избрали свой крестьянский комитет по подготовке к празднику. В своей книге «У Лукоморья» я подробно рассказываю о том, как все это было. Здесь же мне хочется рассказать лишь об одной любопытной истории, связанной с праздником 1899 года, — о сооружении в Святых Горах Пушкинского дворца, который был назван Псковским начальством «Храмом Славы» Пушкина.

Как известно, псковские дворяне-помещики и правители ревностно относились ко всем задумкам простого народа: «Крестьяне вряд ли смогут сделать для Пушкина что-либо. Мы же культурнее простых мужиков — они ведь даже говорить-то правильно не умеют, а не только читать и писать, они вообще мало знают творения Пушкина» — так рассуждал на собраниях Псковского Пушкинского комитета его член граф Гейден. Готовясь к празднику, псковские бояре больше думали о себе, чем о простом народе, в этом обвиняла их даже передовая столичная пресса. Народ готовился к юбилею по-своему, как к празднику радости и братства — видел в нем «зарю пленительного счастья». Проект «Храма Славы» был заказан Псковским комитетом архитектору-художнику Константину Васильевичу Изембергу, в помощь ему был выделен псковский губернский архитектор Ф. П. Нестурх. В основу проекта была положена специально разработанная программа, которая предусматривала:

1. Дворец должен быть воздвигнут в непосредственной близости к Святогорскому монастырю, в котором находится могила поэта.
2. Он должен занять главенствующее положение в топографии местности.
3. Здание должно отвечать понятию «дворец» и иметь праздничный вид, а его декоративная отделка подчинена Пушкинской теме (жизнь и творчество Пушкина).
4. Внутреннее помещение в основном должно состоять из большого зала и сцены. Вместимость зала не менее 1000 человек.
5. Учитывая, что на праздник соберется не одна тысяча человек, а значительно больше, перед зданием дворца должно быть устроено гульбище, на котором сможет разместиться несколько тысяч человек.

Как известно, на Святогорский праздник явилось свыше 5000 человек. Согласно смете, сооружение «Храма Славы» потребовало немалого количества средств и материалов. Учитывая это, комитет решил «строить здание не навсегда, а как временное». Материалы для него (бревна, доски, толь, стекло, холстина и проч.) взять напрокат у кого-либо из крупных псковских купцов-предпринимателей,

с обязательством вернуть их по окончании праздника в течение 1899 года, уплатить за прокат некую сумму денег, «а если возможно, то и бесплатно». Что и было свершено. Вскоре из Пскова в Святые Горы прибыли рабочие и строительные материалы. Сооружение было возведено очень быстро. Площадкой для него был выбран один из холмов, расположенных к востоку от монастыря. Вершина холма была срезана и выравнена. Здание было одноэтажное деревянное длиной 50 метров, шириною 25 метров и высотой 6 метров (исключая кровлю). Кровля состояла из 3 куполов овальной формы: один в центре, два по краям. На центральном куполе трехметровая лира, на боковых куполах по 2 лиры меньшего размера. По кромке кровли — декоративная балюстрада. В центре здания — широкие ворота, декорированные разноцветной материей. Над ними большое живописное панно с изображением лаврового венка, цветов и урны... По всему фасаду огромное панно с изображением сцен произведений Пушкина: «Русалка», «Капитанская дочка», «Борис Годунов», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Полтава», «Скупой рыцарь», «Евгений Онегин», «Руслан и Людмила». Рядом с панно — большие окна-витражи, декорированные флагами и зелеными хвойными гирляндами. Вокруг здания разбиты площадки, на которых были возведены ларьки для торговли гостинцами и сувенирами.

К «Храму Славы» была проложена специальная дорожка. Она шла от стен монастыря, через овраг и далее по специально возведенной деревянной лестнице в несколько маршей. Следы этой дорожки сохранились до наших дней. Стены внутри «Храма» были украшены большими картинами, изображающими усадьбу Михайловского, домик няни, вид Псковского Кремля, «Бал у Лариных», «Полтавский бой» — копии картин художников: Кондратьева, Крыжицкого, Самокиш-Судаковской, Овсянникова, Самокиша... На эстраде был поставлен постамент с бюстом Пушкина.

Открытие праздника началось с возложения венков к бюсту. Первыми возложили свой серебряный венок сыновья поэта Александр и Григорий Пушкины. Вслед за ними возложили венки жители Святогорья, гости из Москвы, Петербурга, Пскова, Острова, Новоржева, Опочки, Пензы, Ярославля, Царского Села. После чего начались Пушкинские чтения с демонстрацией «туманных картинок» на экране, выступления писателей и поэтов, а вслед за этим большой концерт. Праздник и чтения продолжались три дня.

Прибывший специально из столицы известный фотокорреспондент К. Булла сделал несколько снимков «Дворца Славы», Пушкинского праздника вообще. Снимки были опубликованы во многих тогдашних журналах.

«ЗДЕСЬ ДРЕМЛЕТ ЮНОША МУДРЕЦ, ПИТОМЕЦ НЕГ И АПОЛЛОНА...»

В прошлом году осенью, будучи в Ленинграде, я встретился с моим старым другом поэтом М. А. Дудиным. Он не только мой друг, но и друг многих пушкингорцев. Ему даже присвоено звание «Почетный гражданин Пушкинских Гор». Он воспел в своих стихах заповедные пушкинские места и многих пушкингорцев, он один из основателей «Пушкинского праздника поэзии в Михайловском»!

При каждой встрече Михаил Александрович обязательно чем-нибудь порадует меня: то поможет приобрести для музея какую-нибудь редкостную вещь или книгу, то познакомит с хорошим художником, писателем. Ведь это он «сосватал» Лениздату мои новеллы о пушкинской земле!.. Прямо скажу — не счесть всего того доброго, что он сделал для Михайловского и лично для меня как писателя и хранителя Пушкинского заповедника!

При прошлогодней встрече он вдруг сказал: «Знаешь, Семен Степанович, у тебя есть возможность получить для Пушкинского заповедника скульптуру Александра Сергеевича, которую недавно создала молодой ленинградский художник Галина Васильевна Додонова. Вещь прекрасная! Пушкин отлит в бронзе! Изваяние крупноформатное, как говорится, во весь рост! Бронза очень интересная...» Я растопырил уши, а М. А. Дудин продолжал: «Она сейчас на хранении в Высшем художественном училище имени Мухомовой. Хозяйин скульптуры какая-то школа в Невском районе... По их заказу Додонова работала над своим Пушкиным! Давайте пойдем к мушкетерам, посмотрим статую. А там видно будет — что и как!»

Мы сразу же собрались и пошли в «Соляной городок» к тогдашнему директору училища. И тут я впервые узрел Пушкина, которого создала в 1969 году Галина Васильевна Додонова. Вот что мы с Михаилом Александровичем увидели. Пушкин — юноша. Он только что окончил Лицей. Приехал на отдых к родителям в Михайловское. Он в «партикулярном» сельском виде, сброшен с плеч лицейский мундир...

Он очарован всем, что видит вокруг. На все смотрит расширенным взором. Он видит рощи, сад, пруд, цветы, деревья, небо, уютный дедовский дом... Все ему приветливо. Во всем блаженство, слышен напев живой соловья, иволги, жаворонка... Благодать. Тепло. Томно. Подошел к пруду, где «светлые ручьи в кустарнике шумят»... Выкупался, вышел из воды и лег на берегу. Вынул из кармана книгу стихов. Может быть, это был томик Парни, или Шенье, или, может быть, Гете...

В душе зазвучали стихи: «Здесь дремлет юноша мудрец, Питомец нег и Аполлона...»

Михайловское! К нему обращены бессмертные строки юноши-поэта — его «Деревня» и «Домовому», стихи о вдохновении, о радости бытия! Здесь начало пушкинских начал. Здесь открылась ему дорога в вечность. Здесь определился подвижнический путь его как человека, художника, пророка...

Много раз ходил я в училище Мухиной смотреть на додоновского Пушкина. И каждый раз в скульптуре я видел что-нибудь новое. По совету ректора училища написал письмо в облисполком с просьбой о передаче скульптуры заповеднику. Через какое-то время был получен благоприятный ответ. Зимой скульптура приехала в Михайловское и была установлена на окраине сада почти рядом с дорожкой, ведущей с южной окраины сада к «Острову уединения». Около этой дорожки площадка. Отсюда очень хорошо видна скульптура. Она в единой гармонии с Михайловским садом.

Скульптура Додоновой рассчитана на пленэр — на воздух, открытое пространство. Она сливается с окружающей природой. Экспозиция ее на природе усиливает эмоциональный характер образа и художественность формы произведения. Это завораживает зрителя и будит его воображение. Скульптура Додоновой монументальна и вместе с тем изящна и проста. В фигуре поэта много жизни, движения.

Когда вы подходите к площадке, откуда лучше всего рассматривать скульптуру, у вас, несомненно, родится впечатление, будто бы Пушкин только-только, совсем недавно бродил по рощам, любовался Соротью, ветряной мельницей, холмами, нивами, рассматривал все здесь сущее. Он полон творческого вдохновения. Это прекрасно передано скульптором в жестах рук поэта. Одною он облокотился на землю, другая устремлена в пространство. Поэт ждет явления Музы... Мгновенье... и нужное слово будет найдено, и сойдет с его уст, и «стихи свободно потекут».

В скульптуре Додоновой интересно все, особенно трактовка головы Пушкина, в ней чувствуются образы, найденные самим Пушкиным в его автопортретах.

Прекрасен сад Михайловского с его зеленым ковром, яблонями, вишнями, сливами, скворечниками, незабудками, ромашками, колокольчиками... Сегодня он стал еще прекраснее. В нем чудесное изваяние Пушкина. Будете в Михайловском — обязательно посмотрите, и благо вам будет.

В ДНИ ГРОЗНЫЕ

1944 год. Гитлеровцы только что закончили сооружение своей военно-оборонительной линии «Пантера». Она тянулась через весь Пушкинский заповедник из края в край вдоль Сороты и Великой.

И казалась гитлеровским генштабистам неприступной: многорядные доты, дзоты, бункера, блиндажи, окопы, рвы, «волчьи ямы», минные поля, бесконечные ряды колючей проволоки. И все это на огромном пространстве...

Но вот настал час поединка. На северной стороне Сороти расположились наши войска. На южной, там, где Михайловское, Тригорское, Петровское, Святогорье,— фашисты. На кромке леса, тянущегося по всей окраине Михайловского — от древних «Ямских ворот» до «границы владений дедовских» — на вершинах старых высоких деревьев хитро расположились продуманные фашистами вышки — «гнезда» для наблюдения их снайперов.

Горели гигантские костры — это фашисты запалили дом поэта и разные усадебные постройки... Но скоро враги услышали грозные предупреждения. К деревне Зимари подошли наши «иерихонские трубы» — походные радиостанции со сверхмощными усилителями. Радио грохотало так, что его и глухие хорошо слышали. Разговор шел по-немецки: «Геноссе, дойче зольдатен... Вам все равно капут. Сдавайтесь... Уходите немедленно с пушкинской земли... Вы скоро будете окружены. Идет капут, капут! Помните — скоро день рождения великого русского поэта Пушкина. Он здесь хозяин. Он с нами. Его дух с нами. За каждый грех, причиненный пушкинской земле, вас ждет тяжелая расплата!»...

Особенно сильно и гневно, убедительно звучал голос сына известного немецкого писателя-антифашиста Вилли Бределя, который по просьбе отца был зачислен в радиороту Прибалтийского фронта... Сам Вилли Бредель выступал по радио под Сталинградом... Эсэсовцы сатанели. Их снайперы искали радиомашину. Но, увы... Она стояла за Зимарями... Наши стрелки выискивали фашистских снайперов. И находили их. Вот к клену полетели два снаряда. Снайпер с гнездом кувыркнулся в бездну. Второй снаряд не разорвался, а лишь ввинтился в землю. Его, кстати, обнаружили в 1946 году, когда стали лечить дерево. Снайперское гнездо на старой сосне оставалось долго — до 1947 года.

...Живя в палатках в зимнем лесу, люди восстанавливали Михайловское. Потом начались поиски вещей, обстановки усадьбы. Работа по возрождению музея-заповедника была гигантской. Люди сделали, казалось, невозможное — подняли из руин и восстановили в их былой тихой прелести постройки, сады, рощи.

Проходя сегодня по дорожкам и аллеям парка Михайловского, сразу не заметишь следы войны. Большинство ран, нанесенных земле поэта, давно зажило. По-прежнему перед домом Пушкина стоит вяз. У него много следов от ран! Он ветеран. Гордо и величественно шумит старое дерево, своей кроной рассказывая о былом, чудовищном, невообразимом...

У «домика няни» — клен. Старый-старый. И не один теперь, а два. Они растут от одного пня: разорвавшийся снаряд разделил дерево на две части. Раны зажили, и теперь растет не одно дерево, а два. А на сосне, той, что стоит на околице, до сих пор видны остатки снайперского гнезда. Крепка и ганнибаловская ель. Будете в Михайловском, обязательно остановитесь перед ней — живым современником Пушкина, полюбуйте ее, послушайте барабанную дробь аистов, которые приветствуют своей песней всех добрых людей, идущих на поклон к великому поэту.

Дом Пушкина живет живой жизнью. Он наполнен теплом, приветлив и светел. Комнаты его всегда пронизаны запахами хорошего дерева и цветов, свежей земли. В каждом уголке его всегда живые цветы. Они не только собраны в большие пышные букеты, как это делалось встарь, но и просто понемногу расставлены на разных местах... Яблоневый дух переплетается с запахами цветов и меда. От этого в комнатах становится еще теплее и уютнее...

В МИХАЙЛОВСКОМ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЕГО ОТ ФАШИСТОВ

В апреле 1945 года, отправляя меня на работу в Пушкинский заповедник, директор Пушкинского Дома Академии наук СССР Павел Иванович Лебедев-Полянский сказал: «Ни я, ни вы не можем себе представить всего того, что ждет вас в Михайловском. Оно есть, но его ведь нет! Я там недавно был, все видел. Это ужас!!! Там есть только руины, следы, воспоминания. Главное, с чего вы должны начать дело по возрождению Заповедника, — это фиксация того, что осталось в нем на сегодняшний день. Описывайте, записывайте, фиксируйте все, что увидите и услышите. Помните, что завтра «всего этого уже не будет. Мы должны как можно скорее ликвидировать все и всяческие следы фашистского варварства, восстановить пушкинские памятники и музеи. Помните — мы дали обет нашему правительству и Академии наук восстановить Пушкинский заповедник в наикратчайший срок. К 150-летию со дня рождения Пушкина он должен воскреснуть вновь, а 1949 год, как говорится, не за горами!...»

Прибыв в Пушкинские Горы, я немедленно стал описывать все, что видел, записывать рассказы местных жителей о том, что и когда было, что случилось в Пушкиногорье в годы хозяйничанья в нем гитлеровцев, как они его разрушали и грабили, как освободила его наша доблестная Армия. В этом деле мне оказал большую помощь мой друг кинооператор Ленинградской студии кинохроники Федор Иванович Овсянников, который сделал по моей просьбе сотни фотоснимков и кадров кинохроники. Все это сегодня бережно хранится

в музейном фонде и архиве Заповедника. Ниже я хочу привести одну из моих записей тех лет, это воспоминания фронтового кинооператора В. М. Дементьева о Пушкинском заповеднике в день его освобождения 12 июля 1944 года. Запись сделана мною летом 1946 года в Михайловском со слов рассказчика.

...Весною 1944 года я был командирован штабом Армии в киногруппу 3-го Прибалтийского фронта. Вскороности наша группа была направлена на участок стыка фронтов 2-го Прибалтийского с 3-м Прибалтийским. Здесь мне довелось снимать на пленку боевые действия, происходившие на подступах Красной Армии к заповедным пушкинским местам Псковского края.

Получив задание, мы с особенной радостью взялись за его осуществление, ведь нам предстояло снимать не обычные боевые эпизоды, а бои «за Пушкина, за Пушкинские места».

До войны мне в заповеднике побывать не пришлось, и я очень сожалел об этом. Теперь же, когда я собирался его снимать после изгнания немцев, это усилило во мне сожаление и досаду.

Накануне наступления нашей съемочной группе пришлось участвовать в проведении той большой разъяснительной работы, которую проводило командование, готовившее план освобождения пушкинских мест от фашистских захватчиков. Боевые листки, фронтовые газеты, специальные беседы разъясняли бойцам необходимость освобождения пушкинских мест ценой возможно меньшего ущерба для исторических памятников. Бойцам разъясняли, как нужно себя вести в пушкинских местах, как относиться к находящимся в них реликвиям, произведениям искусства и старины.

12 июля 1944 года после прорыва войсками 2-го Прибалтийского фронта немецкой обороны в районе Новоржева (левее Пушкинских Гор) группировке наших войск, осаждавших немцев у берегов Сороти, удалось почти без потерь захватить Михайловское и Пушкинские Горы. В результате прорыва у Новоржева немцы оказались под угрозой полного окружения на участке Новоржев — Остров и были поэтому вынуждены бросить все свои силы на укрепление этого участка, сняв их с подготовленных оборонительных сооружений на линии Сороть — Михайловское — Тригорское и дальше вправо.

Поэтому Пушкинским местам не суждено было стать ареной таких боев, какие можно было наблюдать около Новоржева. Парки заповедника вышли «с поля сражения» в довольно сносном виде. Они сильно пострадали, но не были уничтожены, чего можно было ожидать.

К Пушкинским Горам мы подходили быстрым маршем по Новоржевскому шоссе.

Выйдя к тому месту, где сейчас находится местный базар, наша группа направилась к ограде монастыря.

Одними из первых после изгнания из поселка немцев я и мой партнер кинооператор Масленников вошли в ограду Святогорского монастыря. За нами направлялась в монастырь группа саперов.

Центральная лестница, ведущая к верхней церкви, была сильно разрушена взрывами и предельно захламлена. Кругом громоздились кучи щебня, кирпича, мусора и огромных камней от взорванной ограды. Там и сям валялись исковерканные предметы церковной утвари — подсвечники, паникадила, осколки медных колоколов, вороха бумажных листов вперемежку с немецкими боеприпасами. Из алтарных окон торчали дула вражеских пулеметов и противотанковых ружей.

Подошедшие саперы быстро проложили проход по лестнице, и мы вскарабкались на верхнюю площадку холма, чтобы увидеть поскорее могилу А. С. Пушкина.

Памятник Пушкину оказался наспех заколоченным старыми досками, по-видимому, снятыми немцами с полов самой церкви.

Саперы-офицеры и солдаты стали быстро расшивать монумент. За обшивкой его было обнаружено большое количество противотанковых и пехотных мин затяжного действия.

Вот этот момент обнаружения мин и изъятия их с могилы Пушкина и был тем первым эпизодом, который я начал снимать в Пушкинском заповеднике.

По нашим пятам вслед за головной группой саперов в монастырь пришла новая большая группа саперов. Они стали прочесывать щупами и миноискателями всю горку, на которой стоят церковь и могила Александра Сергеевича. Буквально в каждом метре земли саперы находили заложенные немцами мины и фугасы. Они были заложены и в стены древнего собора, и в кладку монастырской ограды, и под ступени лестницы. Фугасы огромной силы были заложены в шоссе на повороте дороги вдоль ограды.

Вспоминается смешная сцена. Какой-то пожилой сапер, услышав из наших разговоров, что рядом с Александром Сергеевичем похоронены Ганнибалы, гневно заметил по адресу гитлеровцев: «Ах, сволочи, и тут успели насовать своих канибалов!»

Немного спустя на площадке перед памятником Пушкина я снял еще один очень выразительный и торжественный момент. Группа офицеров одного из полков с развернутым полковым знаменем взошла на могилу поэта — и склонила к памятнику знамя. Коленопреклоненные воины произносили пламенные слова клятвы мщения врагу «за израненную Родину и за поруганного Пушкина!»

Здесь же, на могильном холме, я снимал третий эпизод. Вслед за окончанием прочеса территории монастыря миноискателями на холм непрерывным потоком двинулись боевые подразделения нашей армии, проходившие по Новоржевскому шоссе. Нескончаемой вереницей шли офицеры и солдаты мимо священной могилы. Многие склоняли колени

перед памятником, другие целовали мраморные плиты, третьи выкрикивали гневные слова мщения врагу. Все это я зафиксировал на свою пленку.

У ворот монастыря скоро появились регулировщики движения, какой-то неизвестный художник уже выводил на фанере большой аншлаги:

«Могила А. С. Пушкина — здесь.
Отомстим за нашего
Пушкина!»

Это были последние кадры моей хроники в Пушкинских Горах.

Часа через три на командирском «додже» мы тронулись в Михайловское. Ехали довольно медленно, во избежание всяких фашистских пиротехнических сюрпризов. Дороги, несомненно, были соответствующим образом приготовлены фашистами для встречи наших воинов — заминированы. Поэтому ехали мы с большой осторожностью.

Подъезжая к Михайловскому, мы имели короткую остановку в деревне, которая значилась на карте «Бугрово». Собственно говоря, деревни не было. На ее месте стоял один-единственный полуразрушенный дом. Все остальное было в развалинах и пепле.

На усадьбу Пушкина въехали со стороны главной аллеи. Остановились у полуразрушенной арки. Вот что мы увидели, войдя в пушкинский парк!

По двум сторонам аллеи, вдоль огромных древних елей простирались частые ряды колючей проволоки. Тут и там были навалены перепутанные мотки колючки. Большинство деревьев было повалено в полнейшем беспорядке, причудливо загораживая проход к усадьбе. Особенно сильное впечатление произвели на нас лежавшие на земле гигантские ели, простиравшие к небу свои огромные ветви. Кругом тянулись разноцветные телефонные провода, валялись ящики с боеприпасами, консервные банки, какое-то тряпье, мусор. Еще курился дымок над фундаментами домов на усадьбе. Из многочисленных ходов траншей и окопов торчали развороченные бревна, доски, маскировочный кустарник и сетки.

Безлюдье. Ни одной души. Ни звука.

В центре усадьбы вся листва деревьев, словно побитая морозом, безжизненно свисала с ветвей — она была мелко посечена ружейным и артиллерийским огнем. Вокруг остатков построек, по дорожкам и в саду буйно росли огромные купы бурьяна, лопухов и крапивы.

Тщетно искали мы «домик няни». Домика на усадьбе не было.

Мы прибыли в Михайловское около 4 часов дня. День был исключительно ясный, солнечный и безветренный. Условия для съемки были очень благоприятные. На усадьбе я снял несколько кадров. Я зафиксировал окопы, траншеи, фундаменты уничтоженных зданий, трупы фашистов, настигнутых нашим огнем. Около бетонированного пулеметного гнезда, устроенного в каменном домике на самом скате холма, я снял исковерканную взрывом бронемашину. Снимал я Михайловское вместе с тем же оператором Масленниковым, с которым снимал и Пушкинские Горы.

Могу с уверенностью сказать, что наша машина была первой добравшейся до Михайловского после изгнания из него фашистов.

Правда, со стороны Сороти, через Михайловское прошла небольшая воинская часть, переправившаяся в заповедник по реке вплавь, но она имела специальное предписание высшего командования нести в Михайловском караульную службу: «не разгуливать по пушкинским местам и ничего не трогать до приезда Чрезвычайной Государственной Комиссии, которая должна будет расследовать фашистские надругательства над пушкинскими местами». Караульное помещение находилось в развалинах метеорологической станции, стоявшей к востоку от усадьбы.

Мы прибыли в Михайловском дотемна. Ходили с осторожностью. В здания заходить нам не пришлось, так как ни одного целого дома во всем Михайловском мы не нашли.

Вечером, часов в девять, мы выехали из Михайловского обратно в Пушкинские Горы, откуда не задерживаясь тронулись в сторону Острова...»

СИЛЬНЕЕ ВСЕХ БЕД...

В осенний день 18 октября 1967 года через Михайловское прошел ураган, какого никогда здесь не бывало. Ураган прошел узким, не шире чем полкилометра коридором, в сторону Прибалтики. Это случилось днем вскоре после полудня. Вдруг. И продолжалось около часу. Сила ветра была неизмеримая. Центром бедствия были сосновые рощи в центре Михайловского. В результате урагана пало одновременно свыше пяти тысяч деревьев, исключительно сосны и ели — они были уже оголены. Многие деревья были расщеплены, вывернуты с корнем, перекручены или переломаны. Вся территория Михайловского оказалась покрытой сломанными сучьями и ветвями. Дороги стали непроезжими... Дирекция заповедника немедленно обратилась за помощью к своему шефу — воинам. Они быстро откликнулись на нашу просьбу, и в Михайловское походным порядком, с полевой кухней, обозом, тягачами и другими машинами прибыл большой отряд солдат.

Деревья, разделанные на древесину, вывозились на главную поляну Михайловского, где складывались штабелями. Одновременно корчевали пни от погубленных деревьев и вывозили их за пределы заповедника.

Одновременно производилась посадка молодых деревьев взамен погибших. К середине декабря ликвидация последствий бурелома 18 октября была в основном завершена.

А вот еще был год, 1978-й — полная невидаль. Беды шли одна за другой.

С 5 по 10 мая барограф делал записи в норме, никаких знаков падения давления атмосферы не показывал. А в ночь с 10 на 11 мая в Михайловском случилось «светопреставление», и продолжалось оно целые сутки. К 7 часам утра пришла тьма египетская, сильнейший ветер и такой огромный снегопад, какого я не видывал доселе никогда, хотя живу здесь тридцать четвертый год, и никто мне про эдакое из здешних жителей не рассказывал. Это было совсем не то, что случилось в заповеднике 18 октября 1967 года.

На этот раз светопреставление было совсем другое. Это было какое-то «чудище», озорно, стозевно и... С неба падали «снежинки» весом по 100 граммов каждая. Они падали на землю, на деревья, на кусты, как мины, и рвали деревья, их стволы и сучья, как шрапнель. Все сущее на земле покрылось полуметровой толщины снежным покровом. Снег прилипал к деревьям огромными сугробами и гнул их долу со страшной силой. К концу снеголома в михайловских рощах, парке и усадьбе лежали около двух тысяч сломанных, вывороченных с корнем, поваленных или изогнутых колесом молодых сосен и берез. Большинство их было в возрасте 10—20 лет, были и постарше — лет 25—30. Повалился и декоративный кустарник, особенно ивы вокруг «Острова уединения», сирень, жасмин на усадьбе поэта. Повсюду лежали погибшие мелкие пичуги — дрозды, скворцы, зяблики, ласточки, мухоловки и другие пичужки. И только воронье почувствовало себя ладно. Вороны хватили павших и застывших, но еще живых птичек и тащили их в свои углы. Интересно было смотреть на гнездо аиста, в котором аистиха высиживает свое «племя младое». Видя беду и муки аистихи, аист-папа подлетел к гнезду и сел рядом с наседкой. Можно было видеть, как некоторые малые пичуги в поиске спасения бросались в проезжающие по дорогам автомашины, в дома на усадьбе, и в мою квартиру стучались многие скворцы, поползни и синички.

Когда все кончилось и я прошелся по парку и рощам заповедника, я завыл, как собака, почуявшая покойника. Но в Тригорском, Петровском и Святогорье все обошлось благополучно.

Я побежал в райком КПСС, райсовет, турбазу. Всюду стал взывать о помощи.

Накупили пил, ножовок, топоров, шпагату. Работа закипела в хорошем аллюре. Да скоро порядок не наведешь. Уж больно большого масштаба лихо!

Я вел записи о тех днях.

Утром 14 мая, когда в Михайловском было серое-серое небо и моросил настоящий осенний дождь, я проходил по краю рощи, лежащей на северной окраине поляны, на которой устраиваются наши народные Пушкинские праздники, и вдруг услышал диво дивное — пел соловей. Вот смельчак! Хотя и то нужно сказать — по моим многолетним фенологическим наблюдениям, соловьи прилетают в Михайловское вместе с ласточками. Это обычно бывает между 10—20 мая.

Со дня окончания снеголома, то есть 11 мая, в заповеднике идут почти непрерывно дожди. Холодно. На Сороти, в прудах и озерах вновь начала резко подниматься вода. По всему видно, быть у нас весеннему половодью!

А 15 мая пришло солнышко, тишина, теплая благодать. Уже вторая неделя пошла этой благодати! Вот как хитро и мудро все устроено в природе.

А сегодня утром против всех ожиданий в Михайловском был заморозок. Записываю этот день — 16 июня. Накануне вообще была сплошная осень, шли холодные дожди, куда холоднее, чем на картине художника Попкова... А вообще ур-ра!

Октябрь. За прошедшие 130 дней — более 110 дней шли дожди. Последнюю неделю дождь льет круглосуточно. В лесах, парках, на лугах, дорогах, дорожках всюду вода, лужи.

Сороть разбухла, вышла из берегов и утонула в озерах, и все это превратилось в «окиян-море». Пришло новое половодье, куда мощнее, чем весеннее. С 1 октября пришлось приостановить работы по очистке озера Маленец. Листья на деревьях стали очень тяжелыми, стали отрываться от стволов сучья, а кое-где попадали и сами деревья. Несколько больших стволов и древних дубов и лип упало в заповедных парках. Среди них старинный дуб в «часах» тригорского парка и ганнибаловская липа в Петровском. Очень много покалечено в садах фруктовых деревьев.

Большой урожай яблок, созревание их шло долго. Некоторые сорта созрели буквально на днях. Яблоки водянистые, тяжелые, они стали ломать деревья.

Дожди дожди...

Каждый, входящий в дом приносит с собою от 200 до 500 граммов воды. В музеях началась водяная карусель. Сырость. Появилась плесень на экспонатах... Поэтому пришлось сократить в особо дождливые дни маршруты экскурсий по музеям. А в дни проливного дождя закрывать дом-музей в Михайловском совсем. Комнаты маленькие, ковровые дорожки сразу делаются мокрыми... А созданное за долгие годы хранить надо...

Но этими бедами год не закончился. В декабре ударили сильные морозы, доходившие местами до 50 градусов, нанесли страшный ущерб садам и паркам. Они искалечили многие деревья, в особенности старые дубы, клены, ясени и декоративный кустарник — сирень, жасмин, шиповник, барбарис, акации, боярышник. Как ей странно, меньше всего пострадала липа. Особенно сильно были покалечены фруктовые сады Михайловского, а в них деревья, которым под пятьдесят и более лет. Все фенологические процессы у деревьев сильно заоздали. Слабо пробуждались почки, не было молодых побегов. Деревья стояли голые.

Чтобы вернуть пострадавшим растениям силу, их нужно было прежде всего обеспечить влагой. Особенно грустно было смотреть на старинный вяз на дерновом круге перед домом поэта, на «Дуб объединенный» и другие древние дубы в Тригорском, которым было 400—500 лет! Уже начинался июнь, все вокруг зазеленело, а «патриарх лесов» не подавал признаков жизни. И невольно думалось: неужели пришел конец самому старому, самому величавому дереву пушкинской земли?

Но мы не теряли надежды на то, что дыхание все же к нему придет.

Средства, которые рекомендуют в этих случаях, известны: больше воды, больше удобрений. Две наши машины, поливочная и пожарная, с утра до вечера курсировали между рекой Соротью и парком, лили воду к подножию ствола, на крону — тысячи ведер ежедневно, с перерывами день-два. Кормили его химикатами, особенно обильно конским навозом.

И чудо свершилось. Дуб вновь ожил, проснулись его запасные почки, зазвенела крона, вернулась краса легендарного дерева.

Видя эту нашу заботу, многие экскурсанты и туристы стали объявлять себя нашими помощниками. При входе на усадьбу Михайловского нами был поставлен щит с надписью:

«Дорогой паломник!

Возьми ведро и принеси воды из пруда и полей какое-нибудь дерево или куст!»

Рядом со щитом были поставлены ведра... Тысячи людей отозвались на этот призыв.

И вот результат — вновь зазеленели кусты сирени, орешника, яблони и груши. Вновь пришли в пушкинские сады и парки красота и великолепия.

ДОБРЫЙ ДАР

Чем богаче музей, чем разнообразнее содержание его фондов, тем содержательнее его повести и рассказы, экскурсии и беседы о нем и в нем. Сбор и накопление материалов есть начало начал музейной экспозиции. Почти каждый день в наш музей-заповедник поступает

какая-нибудь новая вещь — предмет искусства, культуры, быта прошлого. Тут и мебель и живопись, гравюры и фотографии, предметы старинного сельского быта, книги старые и новые, предметы археологии.»

Совсем недавно из Москвы в Михайловское прибыл целый «караван» старинных, очень интересных вещей. О них мне хочется рассказать читателю в этом небольшом очерке.

В февральском номере газеты «Пушкинский край» прошлого года была опубликована моя статья «Ранение и смерть Пушкина». В ней я поведал о своем знакомстве с Евгенией Григорьевной Арендт — вдовой известного московского нейрохирурга профессора Андрея Андреевича Арендта, которая подарила мне копии докладов ученого медика о ранении и смерти А. С. Пушкина, с которым он выступал в Академии наук в юбилейный 1937 год.

Андрей Андреевич давно умер. Жена его продолжала жить в той же квартире, где жили они вместе. Арендт был не только ученый медик, но и коллекционер. О его коллекции некогда говорила вся столица. В каждый свой приезд в Москву я ходил в гости к Евгении Григорьевне, которая жила в доме почти напротив Новодевичьего монастыря. Ее довольно большая квартира была суццим музеем. В нем была живопись, скульптура, фарфор, хрусталь, бронза, в основном XVIII—XIX веков. Много лет собирали Арендты материалы, связанные с именем и эпохой А. С. Пушкина. Их собрание приобрело несомненную значимость для науки, для музеев, для почитателей русского искусства. Здесь были и вещи мемориального характера, в частности Николая Федоровича Арендта — прадеда хозяина дома, который в феврале 1837 года по распоряжению царя был направлен на набережную реки Мойки, где мучился смертельно раненный А. С. Пушкин, которого Арендт оперировал, всячески стараясь ослабить муки страдальца.

Среди вещей Н. Ф. Арендта хранилась его походная медицинская шкатулка с набором хирургических инструментов. Эту реликвию несколько лет назад Евгения Григорьевна подарила Московскому музею А. С. Пушкина, где она сегодня экспонируется.

На квартире Евгении Григорьевны часто собирались писатели, артисты, ученые, музыковеды. Хозяйка была очень радушной и гостеприимной. Все слушали ее рассказы, затаив дыхание. Она была отлично добрый человек. Повествуя о какой-нибудь старинной вещи из своей арендтовской коллекции, она говорила: «После моей смерти я завещаю ее Петергофу, она ведь у нас оттуда...» «А эту картину, — продолжала она, — я передам Историческому музею...». «А вот эту шкатулку я завещаю Пушкинскому Михайловскому...», — говорила она, обращаясь ко мне... Никто из нас не думал тогда, что престарелой Евгении Григорьевне осталось жить недолго. В августе прошлого года,

она скончалась. Согласно ее завещательному распоряжению, нашему Пушкинскому музею-заповеднику было предназначено вручить около полусотни вещей. Среди них старинная мебель — кровать, столики, секретер, кресла, зеркала, бронзовые подсвечники и бра, столовый фарфор и стекло, настольные часы с боем, портреты Павла I, Александра I, шкатулка и даже старинная бронзовая курительница... Прибывшие в Михайловское музейные ценности после соответствующей обработки и инвентаризации вошли в экспозицию музеев Михайловского, Тригорского, Петровского. Вещи эти обогатили интерьеры спальни родителей поэта в Михайловском, гостиную в Тригорском доме, кабинет Петра Абрамовича Ганнибала в Петровском.

Старая поговорка говорит: «Всякий дар для доброго дела совершенство есть». Дар Евгении Григорьевны Пушкинскому заповеднику — это не просто подарок, а именно дар благородного сердца. В каталоге нашего музея появился раздел «Из коллекции Арендтов».

ПСКОВСКИЙ ГУБЕРНАТОР И ЕГО ЧИНОВНИК

Среди псковских знакомых А. С. Пушкина были люди всякие — расположенные к нему и враги — открытые и скрытые, люди добрые и злые, люди глубокой порядочности и негодяи.

В двухтомнике «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников», изданном в Москве в 1974 году, приводятся воспоминания многих, но далеко не всех тех, кто встречался с ним на Псковщине в период Михайловской ссылки и в последние годы его жизни. В книге этой не приводятся записи рассказов местных крестьян, по-своему вспомилавших Пушкина как «отлично доброго человека».

Пушкин встречался с псковитянами разных социальных слоев и категорий в разные годы. Тут были и высокое начальство и мелкие чиновники, большие и малые бары, простые мужики и бабы, монахи, солдаты, офицеры, купчишки и станционные смотрители, ямщики, трактирчики, жандармы...

С одними он встречался не раз, с другими случайно, однажды... Он не раз встречался с псковским губернатором Алексеем Никитичем Пещуровым. К сожалению, мы не имеем его воспоминаний. Он часто бывал в гостях у помещиков Философовых, Рокотовых, Шелгуновых, Бухаровых и других, но и они не оставили нам своих воспоминаний о поэте. Сохранились лишь краткие предания и легенды. Поэтому каждая строчка какой бы то ни было повести современника о Пушкине для нас представляет несомненный интерес.

В Государственном архиве в Москве мне удалось познакомиться с записками некоего Бориса Садовского — современника А. С. Пушки-

на. В то время он был чиновником особых поручений при псковском губернаторе Пещурове, который ему приходился дядей. В своих записках Садовский между прочим рассказывает об встречах с Пушкиным. Вот рассказ об одной из встреч. «Как-то, во время утренней прогулки по городу, — пишет он, — я набрел на кучу ребят, игравших в бабки. От нечего делать я засмотрелся, как ловко взвивалась тяжелая свинчатка, поднимая пыль кругом... Переведя глаза на игрока, я немного опешил, увидя человека, если еще не старого, то и не первой юности. Незнакомец был одет в белый армяк нараспашку, летний картуз небрежно покрывал ему голову, кудрявая борода вилась на щеках и подбородке...

Было в нем нечто цыганское, своевольное, и я подумал сначала, уж не цыган ли это, каких вокруг Пскова всегда много. Но русые волосы неизвестного указывали на принадлежность его к славянскому племени, да и странно было бы цыгану держаться так смело и свободно в присутствии губернского чиновника. Не обращая на меня никакого внимания, незнакомец метко и уверенно выбивал игру за игрой, чуть припадая на колени и щуря глаза: потом встряхнулся, потер свои маленькие загорелые руки, дал мальчишкам, с которыми вел игру, пяточок и, бегло окинув меня взглядом, пошел прочь. Я успел заметить, что верхняя губа у него была выбрита, но не позднее недели тому назад, и заключил отсюда, что это, должно быть, мелкий уездный помещик, случайно залетевший в Псков... Возвратясь домой, я рассказал дяде о своей встрече с неизвестным, подробно описав его внешность. «Да это же знаменитый Пушкин, — перебил меня дядюшка. — Он сегодня заходил ко мне в канцелярию...»

В то время я уже хорошо знал произведения Пушкина, восхищался его «Кавказским пленником», поэмой «Руслан и Людмила». Ах, как я потом жалел, что не заговорил с ним при той встрече! Ведь я мог порасспросить его о многом, о том, что он пишет... Потом дядя много мне рассказывал о поэте; о том, что ему поручено вести надзор за ним, но что Пушкин человек не обычный...»

И действительно, Пещуров многое сделал для того, чтобы облегчить ссылку поэта. Он, в сущности, этот надзор превратил в формальность. Пещуров фактически снял с Пушкина запрет о невыезде его за пределы Михайловского и разрешил ему ездить по всем городам и весям не только Псковщины, но даже за ее пределы — в Новгород, Боровичи...

Сам поэт имел основания верить в благородство Пещурова. Судьба связала его с Псковским губернатором еще тогда, когда он жил в Кишиневе, где сдружился с сестрой жены Алексея Никитича, Екатериной Христофоровной — супругой бессарабского вице-губернатора М. Е. Крупенского, в доме которых он частенько гостил.

Личная доброта, простодушие, любовь к поэзии вообще и к Пушкину в частности подтверждаются многими фактами. Известно, что Пещуров сам писал стихи и даже взывал к Пушкину о помощи... О чем тот иронизировал.

Сестра Пещурова Елизавета Никитична уважала Пушкина и не раз встречалась с ним. Алексей Никитич принял доброе участие в похоронах Пушкина, в составлении «на вечную память» описи Пушкинского сельца Михайловского в 1837 году, нашел художника, который запечатлел место «вечного упокоения поэта» — Святогорский монастырь и место, где он жил и создавал свои бессмертные творения.

В заключение хочется сказать здесь и несколько слов о сыне Пещурова, доблестном морском офицере, который в середине века участвовал в учебном плавании на парусном военном корабле в Тихом океане. Корабль попал в шторм и затонул. Команда спаслась, спасла и кое-какой инвентарь. Высадившись на маленький островок, они прожили здесь долго. По инициативе Пещурова солдаты и матросы совершили небывалое: они срубили новый корабль, и команда, насчитывавшая более сотни человек, благополучно добралась до своей родины! Узнав об этом, японцы были поражены. История эта до сих пор жива и в Японии и у нас, о ней рассказывал ряд современников, а несколько лет тому назад поведал о ней журнал «Вокруг света».

И ВСЕ ОБЕРНЕТСЯ БЛАГОМ...

Пушкиногорье уж давно стало своеобразным местом культурной жизни нашей Родины. Здесь в июне каждого года проходит Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии, в августе — Всесоюзная Пушкинская научная конференция, в феврале — в годовщину гибели А. С. Пушкина — Дни светлой печали. Здесь бывали писатели К. Паустовский, Ю. Тынянов, С. Михалков, К. Федин, Ю. Нагибин, М. Дудин, художники С. Коненков, В. Орешников, Е. Белашова, М. Аникушин и многие, многие другие. Здесь родились пушкинские темы их произведений, известные всему миру.

Пушкинский заповедник — это не только литературный памятник истории и культуры. Это своеобразный Народный Пушкинский Университет. Здесь человек знакомится с Пушкиным в прошлом и настоящем. Типичная русская природа, воспетая Пушкиным в его многих творениях, вдохновляет людей всех возрастов.

Нетрудно объяснить, почему именно прежде всего к Пушкину, а не к какому-нибудь другому корифею нашей культуры обращены взоры молодых и зрелых художников. Одна из главных причин в том, что Пушкин народен. В нем отразились все проявления бытия. Душа поэта проникла повсюду. Он свободно владел всеми жанрами литературного слова. В нем есть все, что составляет понятия гармонии, красоты, совершенства, простоты. Он реалистичен во всем, понятен всем, доходчивей всех. Все писатели учились и учатся у Пушкина. Нет ни одного художника, который в своем творчестве молча прошел бы мимо

него, будь то Достоевский и Толстой, Маяковский и Есенин, Шолохов и Твардовский. Всем он помогал найти свой путь, свое кредо. Он изображал мир во всех его ипостасях — эстетической, эпической, социальной, исторической...

Среди множества путей, которыми художники идут к раскрытию смысла и духа произведений А. С. Пушкина, есть путь проникновения в суть, в дух психологической иллюстрации того или иного произведения Пушкина.

Я вспоминаю зиму и весну 1949 года, когда в комнатах восстанавливаемого дома Пушкина работал один из самых замечательных советских художников — Александр Иванович Лактионов. Он приехал к нам в пору всенародного признания его удивительной картины «Письмо с фронта».

Лактионов много дней посвятил изучению жизни и творчества поэта. Он был настойчив в своих поисках. Кропотливо рылся в книгах пушкинской библиотеки, въедливо выпрашивал у научных работников-пушкинистов нужные ему сведения и подробности о жизни Пушкина в Михайловском, внимательно изучая его творчество, эпоху поэта. И чем больше узнавал он нового о Пушкине, тем яснее становились для него образ великого русского поэта, тесная связь его с Псковским краем, псковской деревней. И когда сюжет картины был Лактионовым окончательно определен, он начал большое полотно, которому дал название «Вновь я посетил...».

До Лактионова многие советские художники, в том числе Бялыницкий-Бируля, Кончаловский, Хижинский, Непринцев, Шабанов и другие, работали в Пушкинском заповеднике. Работы этих художников неоднократно издавались массовым тиражом в виде репродукций, и они хорошо известны нашему народу.

Но ни один из этих художников не создал большого полотна на эту тему. «Почему-то до сих пор никто не сделал с этого очаровательного куска родины живой и значительный портрет», — писал еще в 1926 году А. В. Луначарский в одном из своих восторженных писем о Михайловском, опубликованных им вскоре после поездки в Пушкинский заповедник.

Лактионов поставил перед собой задачу написать портрет очаровательной природы Псковского края — природы, с которой связано начало пушкинской реалистической лирики, светлой, жизнеутверждающей, пронизанной великим оптимизмом. Художник замыслил показать природу «страны родной», с которой поэт чувствовал свое глубокое, кровное и духовное родство и которой навсегда «оставил свое сердце», увековечил ее в бессмертных стихах.

Художник поставил перед собой и другую задачу — изобразить на фоне природы и самого поэта во время его предпоследнего приезда в родные места (в сентябре 1835 года), когда Пушкин, измученный преследованиями николаевских жандармов, нападками цензуры,

правительства, «светской черни», испытывавший тяжелую материальную нужду, так остро стремился вырваться из душившего его Петербурга в родную деревню, к простому народу, в тот уголок земли, где он провел «два года незаметных»...

Лактионов изобразил А. С. Пушкина одиноко сидящим на диване у ската Тригорского холма. Сентябрь. Осень. Ярким багрецом горят клены и липы Тригорского парка. Опавшие листья как ковер покрывают влажный песок площадки. На диване под сенью дуба сидит поэт в спокойной, сосредоточенной позе. Взгляд поэта устремлен вдаль, на грустную простоту родного уголка земли. Далеко, на многие версты вокруг открывается величественный ландшафт. На переднем плане «тихая голубая Сороть», омывающая пожелтевшие, съеденные солнцем берега Тригорского луга, далее сами луга со стогами свежескошенного сена, «холмы и нивы полосаты», «вдали рассыпанные хаты» и голубая дымка на горизонте.

Художник увидел Пушкина именно в тот момент, когда он, очарованный красотой знакомого еще с юношеских лет пейзажа, вдохновенно облекает свои мысли и переживания в поэтические строфы элегии «Вновь я посетил тот уголок земли...» — строфы, обращенные к «племени младому, незнакомому».

В своем полотне художник стремился разрешить труднейшую задачу монументальной картины — органически связать фигуру с окружающим пейзажем. Пейзаж на картине Лактионова не играет декоративной роли, а дополняет характеристику живописного образа поэта.

Но, помимо картины, тогда же Лактионов написал в доме Пушкина редкий портрет поэта. От Лактионова потянулась живая ниточка к другим художникам, для которых Пушкиногорье стало мастерской. Это и ныне широко известный Андрей Мыльников, картина которого «Венера у озера» — произведение, выдающееся в советском искусстве, — рождалась здесь.

Имя же ленинградского художника-графика Василия Михайловича Звонцова навсегда вписано в историю Пушкинского заповедника, поскольку многие его гравюры, офорты стали крылатыми символами самого пушкинского духа, так точно и метко увидел он реальное и возвышенное в этих лесах и перелесках, полях и всхолмьях.

Жизненный путь Василия Михайловича Звонцова — путь человека нашей современной советской эпохи. В детстве — школьник, увлекающийся рисованием, в юношеские годы — ученик художественного училища в Ленинграде, в суровые годы Великой Отечественной войны — солдат и офицер Советской Армии, бивший фашистов на Псковщине и под Берлином, кавалер многих боевых орденов и медалей, ныне подполковник запаса.

По окончании войны Звонцов на другом боевом посту — на партийной работе в Ленинграде, он секретарь Василеостровского

райкома партии. И вот наконец давняя его мечта осуществилась, он — студент Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Академии художеств СССР. Закончив институт и став профессиональным художником, в течение ряда лет он был преподавателем кафедр графики института, воспитал целую плеяду молодых художников.

С 1956 года Василия Михайловича можно встретить в заповеднике во всякое время года. Он отлично добрый человек и товарищ. Ежегодно к каждой пушкинской годовщине — дню рождения, смерти, ссылки поэта в нсковскую деревню — Василий Михайлович приносит в Михайловское свои дары — офорты-миниатюры на пушкинские темы, дабы мы, работники музея-заповедника, могли их поднести на добрую память нашим дорогим гостям — писателям, поэтам, артистам, музыкантам, деятелям науки и культуры, принимающим участие в Пушкинских чтениях, конференциях, литературных вечерах и Всесоюзном Пушкинском празднике поэзии в Михайловском.

Художник Алексей Константинович Соколов также добрый друг Пушкинского заповедника. В своих этюдах и картинах он воспел многие памятные пушкинские места. С 1947 года, когда он был еще студентом Института имени И. Е. Репина Академии художеств СССР, и до сегодня, когда Соколов стал маститым художником, преподавателем живописи этого института, он почти всегда в заповеднике: то летом, то весной, то осенью или зимой. Он непрменный участник памятных пушкинских собраний, конференций и народных празднеств в Михайловском. Он советчик и помощник реставраторов и хранителей заповедника. Ученик крупнейших советских живописцев академиков И. Грабаря, В. Орешникова, А. Мыльникова, он много и удачно работал над художественным убранством Ленинградского метро, Ленинградского театра юного зрителя, Московского театра на Таганке, Дворца культуры в городе Череповце и т. д. А. К. Соколов — мастер портретного искусства и пейзажной живописи. Его пейзажи не спутаешь ни с чем. Они самобытны, оригинальны, высокоталантливы. Его любовь к природе особенная, он видит в ней то, чего мы часто не замечаем. Ему ведомы многие сокровенные тайны пушкинской природы. Она его учитель и наставник, а не только даритель красивых видов. Он пишет этюды не ради эффекта, не для того, чтобы поразить зрителя, но для того, чтобы ввести его в мир неизведанной красоты цвета и света, радости и счастья.

Пушкинские Горы для Соколова — это райские кущи, куда художник всегда стремится для новой встречи с Пушкиным и откуда уезжает, наполненный высокой любовью к Отчизне и духовно обновленный.

И, конечно же, огромные неисчерпаемые возможности дают заповедные пушкинские места для начинающих художников, для

учащихся средних художественных школ и высших учебных заведений. Откуда только они сюда не приезжают — из Москвы, Ленинграда, Минска, Киева... Начиная с 1957 года здесь проходят летнюю творческую практику студенты Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Академии художеств СССР. Ежегодно в течение двух летних месяцев под руководством преподавателей института и при помощи научных сотрудников и хранителей Пушкинского заповедника студенты-репинцы проходят не только живописную и графическую практику на пушкинском материале, но и своеобразный курс науки — пушкиноведения. Здесь они совершенствуют свое мастерство, избирая предметами штудий и композиций образ самого поэта, природу, им воспетую, памятные места Пушкинского Святогорья — Михайловского, Тригорского, Петровского, Воронича... Портреты живых людей сегодняшнего села — потомков земляков поэта. Иные берутся за иллюстрирование произведений Пушкина. Ведь нигде так ясно, так выпукло, так осязательно не воспринимаются пушкинские произведения, как в том месте, где они были написаны. Иной раз молодому художнику кажется чего проще, чем иллюстрировать Пушкина. Но это обманчивая задача. Пушкина легко читать, а вот делать его произведения зримыми, писать их на картине или рисовать на бумаге — это задача куда труднее!

Встречи молодых художников с Пушкиным благотворно влияют на развитие реалистического начала их творчества, на поиск ими своего «я», своих собственных средств выражения. Каждый год молодые художники, заканчивая у нас свою практику и покидая пушкинское Лукоморье, совместно с музеем-заповедником устраивают в Пушкинских Горах отчетную выставку своих работ. Знакомясь с экспонатами — этюдами, эскизами, набросками, ясно ощущаешь горячее сердце молодых художников, их любовь к Пушкину, к нашей великой Отчизне, ощущаешь творческую активность, растущее мастерство.

А в последние годы все чаще вместе с художниками приезжают в заповедник ведущие мастера отечественной фотографии. И тоже живут неделями, месяцами. Снимают интересно, неожиданно, и все запечатленное здесь мы видим в их альбомах как бы новыми глазами. Это уже, несомненно, новая, современная сторона художественной жизни Пушкиногорья.

Одним из таких мастеров, с которым у нас давняя и крепкая творческая дружба, является Виктор Ахломов. Я доверяю его вкусу, его чутью, его глазу. Он художник, а фотография — его жизнь.

Именно они, эти люди — писатели, художники, журналисты, фоторепортеры — сделали наш заповедник знаменитым. Они открыли картины живой пушкинской природы, его духа и сделали их достоянием всех. Потому и наша им особая, сердечная благодарность.

СОДЕРЖАНИЕ

Источник сил душевных	3
Там чудеса	6
Еноты	8
Дикая козочка	8
Куница	9
Зайчата	9
Жеребенок и машина	9
Беличье гнездо	9
Пел соловей	10
В «домике няни»	10
Золотой петушок	10
Воробей-разбойник	11
Птичья беда	12
Лебедь на Сороти	12
Бельчонок	14
Яблочко	16
Грот в Михайловском	17
Из народных легенд Пушкиногорья	21
Святогорский дворец «Храм славы»	25
«Здесь дремлет юноша мудрец, питомец нег и Аполлона»	28
В дни грозные	29
В Михайловском после освобождения его от фашистов	31
Сильнее всех бед	35
Добрый дар	38
Псковский губернатор и его чиновник	40
И все обернется благом...	42

Семен Степанович ГЕЙЧЕНКО

СЕРДЦЕ ОСТАВЛЯЮ ВАМ

Редактор В. П. Енишерлов

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 31.03.83. Подписано к печати
02.06.83. А 00683. Формат 70×108^{1/32}.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд.
л. 3,08. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1357.
Заказ № 477. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.